



МАРИЯ
БРИКЕР



reality detective

Не
книжный
переплет



Мария Брикер

Не книжный переплет

«ЭКСМО»

2005

Брикер М.

Не книжный переплет / М. Брикер — «Эксмо», 2005

ISBN 5-699-20108-4

Диану вытащила из мусорного контейнера бомжиха. А оказалась она там не без помощи маньяка по прозвищу Мусорщик, которого никак не могут поймать... Теперь девушка старалась не высовывать носа из своего особняка. Но неприятности пробрались и туда: следователь с говорящей фамилией Босьяк обвинил Диану в убийстве любовницы мужа. Напрасно она пыталась объяснить, что брак с Павлом был условием завещания отца. А потом ей в комнату поставили огромный букет, и девушка только чудом не погибла от приступа астмы. По словам горничной, цветы заказал Павел...

ISBN 5-699-20108-4

© Брикер М., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	31
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мария БРИКЕР

НЕ КНИЖНЫЙ ПЕРЕПЛЕТ

Пролог

Москва, 1983 год

– Ты кто? – спросил Володя, приподняв край одеяла. Рядом с ним, разметав по подушке темные выющиеся волосы, лежала тощая обнаженная девица с размазанной по всему лицу косметикой.

– Ну ты даешь, – вяло возмутилась девушка. – Я Лена, мы вчера на дискотеке познакомились...

– Ах, Лена! Ленусь, ты уж меня «сорри», но тебе пора домой, предки скоро с дачи вернутся.

– Вчера ты был сиротой, – хмыкнула Лена, лениво потянувшись, зевнула, потерла глаза и села на край кровати спиной к молодому человеку, пытаясь собрать в косицу свои спутанные пряди. Владимир посмотрел на нее и поморщился: сутулая, лопатки, как у курицы, цыплячья шея. Кажется, вчера ночью он долго искал у нее грудь, но так и не нашел. Сколько же он выпил? Мрак! – Ладно, я пойду, – сказала Лена и встала. – Мы еще увидимся?

– А то! – воскликнул Володя и подбодрил девушку хлопком ладони по голой попе.

Звонок в дверь расколол его голову на две половины: одна половина болела, другая – болела очень сильно.

– Че, правда, что ль, предки твои приперлись? – испугалась Лена и натянула на себя трусики, чулки и мягкое платье. – Ща они порадуются – мы там такой «сранчас» оставили...

– Паш, открой! – крикнул Володя, превозмогая головную боль. В другой комнате послышалось какое-то шевеление, тяжелые шаги прошаркали в кухню, хлопнула дверца холодильника. Звонок в дверь повторился. – Ну открывай уже, урод! – повторил свою просьбу Володя.

– Да иду я, иду, – раздраженно сообщил друг и поспешил в прихожую. Щелкнули замки, и дверь со скрипом открылась. – Это к тебе, Вова. Телеграмма. Иди распишись.

– Какая еще, на фиг, телеграмма? От кого? – удивился Володя, вылезая из кровати и натягивая джинсы.

– Да идешь ты или нет?! – завопил из прихожей Павел.

– Здравсьте, – хмуро поздоровался Вова с почтальоншей, криво расписался, взял телеграмму, вырвал из рук Павла бутылку кефира, сделал пару глотков, удовлетворенно вздохнул и вслух прочитал текст: – «Любимый мой Володя! Прилетаю 18 июня. Рейсом 655 SU Лондон – Москва, в 16-00 по московскому времени. Встречай. Твоя Д».

– Кто это такая – Д? – заинтересованно спросил Павел.

– Какое сегодня число? – вместо ответа спросил Володя.

– 18 июня.

– А который сейчас час?

– Половина первого.

– Леночка! – льстиво позвал Володя.

– Ну ухожу я уже. Дай умыться хотя бы, – недовольно пробурчала Лена, выглядывая из ванной.

– Леночка, я тебя совсем не тороплю. Кофейку тебе сейчас сделаю. Только ты не могла бы остаться еще на полчасака...

Через два часа квартира сияла стерильной чистотой, в коридоре стояли два больших мешка с мусором, а также Лена, Павел и вышколенный, выглаженный и надушенный одеколоном «Шипр» Владимир.

– С тебя бутылка, – с энтузиазмом сообщил Павел, подмигнул ему, подхватил пакеты с мусором, обнял за талию притомившуюся Леночку и удалился.

Спустя еще два часа Владимир, сжимая в руках хилый букет гвоздик, купленный у спекулянтов недалеко от метро «Речной вокзал», разглядывал табло прилета в аэропорту Шереметьево-2. Рейс 655 SU задерживался на час. Это было хорошо. Владимиру необходимо было сосредоточиться. Вокруг него сновали люди с чемоданами – встречающие, провожающие, но он не замечал суеты. Память возвращала его на несколько месяцев назад, мелькали обрывки смутных картинок, как в калейдоскопе... Поездка в Лондон по программе обмена студентами, лекции на английском языке, дискотеки, пабы, море разливного пива, странного и очень необычного на вкус, новые знакомства, другая жизнь: хиппи, джинсы, кока-кола, «Битлы» и свободная любовь.

Он вернулся в хмурую серую Москву и неожиданно получил письмо. Некая Джулия Грин писала, что не может забыть его и с нетерпением ждет от него весточек. Кто такая Джулия Грин, он так и не вспомнил, но накатал этой загадочной Джулии трогательный ответ, где признался англичанке в любви и поклялся, что будет помнить ее вечно. В дальнейших строках он роптал на судьбу, что из-за наличия «железного занавеса» они никогда не смогут воссоединиться и стать мужем и женой. Учитывая все вышеизложенное, он умолял Джулию немедленно забыть его и не писать, так как любое напоминание о ней разрывает его сердце в клочья и мешает сосредоточиться на учебе. Джулия писать перестала, но спустя полгода...

Грудной голос дикторши аэропорта объявил о прилете рейса 655SU Лондон – Москва. Володе вдруг стало плохо, руки затряслись, гвоздики упали на пол. Черты лица девушки давно стерлись из памяти. Какая она, эта Джулия Грин? Он не знал.

Он понял, что это она, как только увидел ее. Немного утомленная перелетом, ни грамма косметики на лице, невысокая, но очень хорошо сложенная, со смешной рыжей челкой и дурацкой косичкой, в потертых джинсах и растянутом белом свитере – это была она, его Джулия.

Девушка огляделась, заметила Владимира и застенчиво улыбнулась. Он обратил внимание на то, что у нее – веснушки и милая ямочка на щеке, необыкновенные зеленые глаза и чувственные губы и что на нее смотрит какой-то холеный форинер, и... Володя уже ненавидит этого пижона.

Володя удивился: тогда, в студенческой общаге, на неудобной маленькой кровати, он так и не понял, как она хороша, и даже не встал с постели, чтобы ее проводить, бросив на прощанье стандартное – «увидимся». Еще он удивился, что до сих пор не убил этого нахала-форинера, который прожигает Джулию глазами, а сам он стоит как идиот и еще даже не поцеловал девушку и не сжал ее в своих объятьях. Джулия сориентировалась первой и, растолкав толпу и бросив свой чемодан, подбежала к Владимиру и повисла у него на шее. Он целовал ее рыжие волосы, пахнувшие заграничным шампунем, ее влажные от слез щеки, ее ушки и шейку и никак не мог поймать ее губы, шептавшие нежные слова на английском.

Наконец ему повезло, и он почувствовал ее горячее дыхание, слегка холодящий вкус мятной жвачки... вкус любви...

Глава 1

Помойка и Диоген

Москва, 2003 год.

Верочка лежала на траве, закинув за голову руки, и смотрела попеременно то на одну свою стоптанную туфлю, то на другую, то поднимала глаза к небу, щедро усыпанному звездами. Сегодня ей было не по себе. Воображение рисовало маленький уютный домик на берегу морского побережья, огородик, скрытый от прохожих аккуратным забором, сад с роскошными плодовыми деревьями, усыпанными тяжелыми, налитыми соком плодами персиков, абрикосов, груш и инжира...

Вера занервничала и резко потрясла головой со спутанными, давно не стриженными волосами, стараясь отогнать от себя огородно-садовое видение.

«Наверное, уже близится старость», – решила сорокадвухлетняя женщина и тяжело вздохнула. Никогда прежде не возникало у нее желания осесть на одном месте. Бомжевать Веру заставили не только нужда, пристрастие к горячительным напиткам и серьезная жизненная трагедия, но и страстное увлечение греческой философией, в частности Диогеном. Начитавшись в юности до одури этого философа-киника, практикующего крайний аскетизм, она приняла это как свою собственную личную философию и общий принцип существования. Серьезный переворот в сознании Веры случился не сразу, а только после того, как она была выброшена на окраину жизни, лишившись буквально всего. И теперь, цитируя про себя своего кумира, Вера могла относительно легко пережить все, что с ней произошло. «Философия дала мне, по крайней мере, готовность ко всякому повороту судьбы», – говорил Диоген, и Верочка повторяла эту фразу, как заклинание, когда ей бывало особенно плохо. Но, тем не менее, свободная жизнь ей действительно нравилась. Лето она проводила под открытым небом, в парке, рядом с двумя мусорными баками, которые в нелегкой схватке, лишившей ее двух передних зубов, ей удалось отвоевать у своих конкурентов. Место обитания Веры считалось среди бомжей блатным, и, хотя располагалось оно на окраине столицы, было очень престижным и приносящим неплохой доход в период с марта по октябрь. Как только весеннее солнце начинало припекать продрогшую за зиму землю, уставшие от выхлопных газов и сидения в четырех стенах горожане устремлялись сюда вкушать радость общения с природой. А так как без пива в полной мере вкусить эту радость им было сложно, весь парк к вечеру заполнялся пьяными гражданами, сплошной матерщиной и – пустой тарой. Каждый рублик, заработанный от сдачи пустых бутылок, Верочка откладывала в специально созданный для этого тайник и берегла деньги к холодам, ограничивая себя во всем. Настроение Верочки было сродни термометру: падало при минусовой температуре и повышалось при отметке выше нуля. Уяснив для себя эту особенность собственной психики, Вера на период холодов, не скупясь в накопленных за лето средствах, снимала угол в одном из самых престижных и теплых подвалов Москвы и, забив его до отказа продовольственными запасами, водкой и книгами, переселялась туда, стараясь, по возможности, как можно реже совершать вылазки на улицу. В общем, своей жизнью Вера была вполне довольна.

– Что-то раз мечталась я сегодня не по делу, – недовольно пробурчала женщина, села, дурашливо показала язык звездам и Луне и потеряла слипающиеся от усталости глаза. Засыпала Вера только после восхода солнца, а ночью, не смыкая глаз, ревностно охраняла свою территорию от нашествия местной бездомной братии, которая регулярно совершала набеги на ее владения и уничтожала недоеденные гуляющими в парке гражданами продукты питания, вываленные в помойку сотрудниками местного паркового кафе.

Верочка сглотнула набежавшую слюну – с минуты на минуту должен был состояться последний торжественный вынос помоев, оставшихся после ужина. «Возможно, кусочек шашлычка перепадет», – закатив глаза, мечтательно подумала она и с нетерпением заерзала на картонке, приспособленной ею в качестве подстилки.

Шум возле помойных баков усилил слюноотделение, но Вера не спешила выходить из своего укрытия. Недавняя ссора с толстой поварихой из-за деликатной просьбы Веры не смешивать между собой салат «Столичный» и винегрет, обернулась для Веры большой неприятностью. Надменная повариха, брезгливо сморщив свой прыщавый нос, начала нарочно портить еще пригодные для еды остатки: куски хлеба поливала компотом, обильно засыпала пищу солью... В общем, делала все возможное, чтобы отвести Веру от помойки, будто та была крысой, а не человеком. Зачем повариха эта делала, Верочка не знала, но с каждым днем в ее душе росло раздражение на противную тетку. Если бы повариха не обладала великолепными кулинарными способностями, которые Вера уже успела оценить, перепробовав большую часть приготовленных ею блюд, Вера давно бы уже придумала способ заставить нахалку подать заявление об уходе. Пока же Верочка решила занять выжидательную позицию, рассчитывая на то, что ссора в ближайшее время все же закончится миром.

Возня возле помойки утихла. Вера осторожно выглянула из кустов и, к своему удивлению, заметила рядом с баком не надменную повариху, а какого-то незнакомого мужчину в длинном замусоленном плаще и несвежей кепке.

– А ну проваливай отсюда, козел безрогий! – возмущенно завопила Вера. – Вали, кому говорю! Это моя территория.

Мужчина застыл на месте, медленно достал из кармана грязного плаща кипенно-белый носовой платок, тщательно вытер руки и только после этого обернулся и посмотрел в сторону кустов, где ночевала Вера. Женщина вздрогнула, волосы зашевелились у нее на голове. Мужчина был в очках, но она почувствовала, что под мутными стеклами, скрывающими глаза, взгляд его приобрел злое, полное ненависти выражение. Не случайно он оказался около помойки, подумала Вера. И ботинки у него слишком дорогие для бездомного. Зачем ему понадобилось ковыряться среди ночи в мусорном баке, Вера предпочла не уточнять, но одно было очевидно – если она быстро не унесет отсюда ноги, в этой помойке сейчас окажется она сама. В виде трупа.

Мужчина, заметив ее испуганные глаза, неторопливо, вальяжно пошел в ее сторону.

– Эй, подруга! – весело обратился он к ней. – Я сейчас уйду, не волнуйся. Окурки искал. Курить хочется – сил нет. Может, угостишь сигареткой из сострадания к ближнему?

– Курить вредно, – тихо прошептала Вера, резво вскочила на ноги и, бросив прощальный, горестный взгляд на объемистую авоську, куда были сложены пустые бутылки, собранные ею за два дня, вприпрыжку поскакала в глубь лесопарковой зоны. В течение пятнадцати минут она, как заяц, зигзагообразно петляла по парку, изредка оглядываясь назад, пока не поняла, что ее никто не собирается преследовать. – Вот дура! – прошептала она самой себе и в изнеможении прислонилась спиной к дереву. – Напридумывала черт знает что. Подумаешь, белый платок. Мало ли, где он его взял? А ботинки... ботинки тоже мог стырить у кого-нибудь, не такая это уж и проблема.

Вывернув дыхание, Вера осмелела и решила вернуться на место своего обитания, чтобы осторожно выяснить: ушел незнакомец или нет. Мелкими перебежками она добралась до «своих» мусорных бачков и, прячась в кустах, огляделась – никаких посторонних субъектов в пределах видимости не наблюдалось. Вздохнув с облегчением, она вылезла из укрытия и поспешила провести ревизию своих владений. Вероятность того, что за время ее отсутствия в помойке появилось что-нибудь съестное, нельзя было исключать.

– А это что еще такое? – заинтересованно воскликнула женщина, заглянув в зловонное нутро помойки и заметив среди прочего мусора кусок ярко-голубого материала. – Неужели

шмотки выкинули! – радостно воскликнула Вера. Женщина она была еще нестарая, поэтому просто обожала подобные находки. Тщательно простирнув очередную найденную вещицу в ближайшем фонтане, Верочка незамедлительно облачалась в нее, сражая своей «неземной» красотой местных алкашей. Несмотря на то, что Верочка придерживалась принципов аскетизма, в подобном «пижонстве» она себе отказать не могла, оправдывая его тем, что одежда для женщины – это не предмет роскоши, а самая настоящая необходимость.

В предвкушении удачи она потянула за материал, но ткань застряла. Вера осторожно подергала несколько раз, но потом, решив, что разорвет обновку, начала судорожно вываливать из помойки ее содержимое.

– А-а-а! – вскрикнула она, вдруг нащупав под мусором чье-то тело. – Труп!!! Помогите, спасите!!!

Ее никто не услышал, потому что кричала она шепотом, лишившись от потрясения звучности голосовых связок и вообще способности передвигаться. Ноги перестали слушаться ее, превратились в кусок пластилина, подогнулись, и она уселась на землю рядом с мусорным бачком. Но если тело повело себя неадекватно, мозг, напротив, заработал в полную силу. «Срочно исчезнуть», – стучало у нее в висках. Он вернется и убьет ее! Непременно вернется, потому что она видела его лицо, слышала его голос. Да, это был он – тот самый маньяк, за которым охотились больше года, задушивший уже шесть женщин, державший в напряжении весь город, наводящий ужас на молоденьких хорошеньких девушек. Вера читала про маньяка в газетах: он душил свои жертвы, а потом бросал в мусорные бачки их бездыханные тела. «Мусорщик» – так прозвали его журналисты. Никто никогда не видел его лица... никто, кроме нее, Веры! Куда же ей теперь бежать?! Не в милицию – это точно. После того, как менты часто отбирали у нее деньги, били просто ради удовольствия, всячески издевались – она лучше умрет, но не попросит у них помощи! Подвал? В подвал сейчас никак нельзя: ее арендодатель уехал отдыхать, а без его разрешения она рискует оказаться без головы за несанкционированное проникновение на чужую территорию. Остается одно: смотаться из города – в любом, неважно каком направлении, лишь бы оказаться подальше от этого места!

Вера усилием воли поднялась на ноги и собралась уже исчезнуть, как вдруг... из бака послышались стон, хрип и судорожный кашель.

– А-а-а! – пискнула Вера и... потеряла сознание.

Очнулась она оттого, что нечто вонючее, теплое и липкое вылилось ей на лицо. Вера с трудом разлепила глаза и заметила рядом с собой толстую повариху с ведром в руке.

– Ах ты, тварь подзаборная! – взвизгнула повариха, нависнув над Верой своим мощным телом. – Мало того, что я твое присутствие рядом со своим рестораном терплю, так ты еще и подругу сюда приволокла! Свиньи вонючие, обожрались до горла и аж в самую помойку влезли! Забирай свою подружку и уматывай отсюда – мое терпение лопнуло!

Вера вскочила на ноги и посмотрела на мусорный бачок. В нем с глазами, полными ужаса, стояла молоденькая рыжеволосая девушка, перепачканная с ног до головы, но очень хорошенькая... и вполне живая. Девушка держалась за горло рукой и пыталась что-то объяснить при помощи жестов.

– Тихо, тихо, – прошептала Вера, подбежав к ней. – Я все знаю, успокойся. Давай я помогу тебе, не обращай внимания на эту жирную корову! – Вера помогла девушке выбраться из бака, посадила ее на траву и обернулась к поварихе, гневно сверкнув глазами: – Вызови «Скорую», немедленно! Девушке срочно нужна медицинская помощь.

– Да пошла ты! Будешь мне еще указывать тут! – завопила баба.

– Сволочь, – теряя самообладание, сказала Вера, вырвала у поварихи ведро с помоями, которое та продолжала держать в руке, и надела это ведро вредине на голову, стукнув для порядка по дну со всей силы кулаком. Удовлетворенная местью, Верочка обернулась – девушка быстро бежала в глубь парка. – Эй! Ты куда это собралась?! Постой, тебе медицинская помощь

нужна! Куда же ты побежала, глупая?! Постой! Ну точно от шока крышу сорвало, – тяжело вздохнула Вера и припустилась вслед за девушкой, посчитав своим долгом догнать несчастную и привести ее в чувство.

Беготня по парку продолжалась несколько минут, пока обе одновременно не выбились из сил и не рухнули на землю друг против друга.

– Ну что, набегалась? – пытаюсь выровнять дыхание, спросила Вера. – Чего ты бежала-то?

– Не знаю, – тяжело вздохнув, ответила девушка.

– Тебе в больницу надо.

– Со мной все уже хорошо, – неуверенно возразила девушка.

– Тогда давай в милицию тебя отведу. Ты у нас теперь важный свидетель. Единственная из всех жертв маньяка-«мусорщика» в живых осталась! Считай, в рубашке родилась.

– Маньяка-«мусорщика»? – удивленно переспросила девушка, захлопала рыжими ресницами и вдруг истерически захохотала. Она просто давилась слезами, которые мощным потоком лились из ее глаз, и не могла успокоиться.

– Та-ак, все понятно: шок прошел, началась истерика. Сиди здесь, я тебе воды принесу, – устало сказала Вера и направилась в сторону фонтана, оставив хохочущую девушку.

Наполнив пустую бутылку водой, Верочка поспешила к пострадавшей, но вдруг боковым зрением уловила, что за деревьями промелькнула чья-то тень... Без сомнения, это был маньяк-«мусорщик»! Резко развернувшись, Вера побежала в обратном направлении, петляя между деревьями и размышляя про себя, что в ее уже немолодом возрасте подвергать себя столь активным физическим упражнениям может быть вредно для здоровья. Обежав по периметру парк, она с другой стороны вернулась к тому месту, где оставила девушку, и... увидела, что та лежит на земле, а над ней нависла фигура в плаще...

– Ну, это уже переходит всякие границы, – недовольно пробурчала Вера, решительно подошла к маньяку-«мусорщику» и треснула его со всей силы бутылкой по голове.

Мужчина медленно обернулся. От удара очки, закрывающие половину лица, свалились с его носа, он удивленно посмотрел на Веру, закатил глаза и рухнул ничком на землю.

– Спасибо, – прохрипела девушка и потеряла сознание.

– Блин, – расстроено вздохнула Вера, кое-как подхватила безвольное тело и потащила его по направлению к шоссе.

Глава 2

Непонятый гений

Недалеко от парка, рядом с шоссе, жил страстный поклонник Веры, а по совместительству – алкоголик, Федор Мышкин. За свои сорок пять лет Федор ухитрился два раза побывать в психушке с диагнозом «белая горячка» и три раза развестись. Женитьбы и разводы значительно ухудшили его жилищные условия. Испытывая чувство вины перед своими женами, он с легкостью соглашался на самые невыгодные для себя условия размена квартиры. Первые две жены поочередно лишили его трехкомнатной квартиры в центре Москвы и двухкомнатной на окраине, и Федор переселился в коммуналку. Комнату в коммуналке обменивать уже было не на что, поэтому после третьего развода бывшая жена попросту выкинула Федю на улицу, вложив в его трясущуюся руку ключи от машины. Последняя супруга имела нрав свирепый, даже взрывоопасный. Несмотря на то, что за Федором сохранилась прописка, предъявлять претензии на законную жилплощадь он не посмел и переселился в свой старый «Москвич», где и проживал до последнего времени.

В редкие минуты трезвости Федор Мышкин, набравшись храбрости, захаживал к Верочке в кусты с предложением руки и сердца и слезно уговаривал ее переселиться с улицы на заднее сиденье его авто. Предложение было заманчивым, но Вера стойко отвечала отказом, мотивируя это тем, что еще не созрела для такого ответственного шага, как вступление в брак. Раздосадованный Федор вздыхал, застенчиво просил у нее денег в долг, посещал ближайший магазин и, разжившись там бутылкой дешевого портвейна, уединялся от мирской суеты в автомобиле, стараясь утопить свое горе в вине. Долги свои Федор Мышкин всегда отработывал сполна. Если выпадало счастье застать Федю в трезвом состоянии, Верочка использовала поклонника как тягловую силу, а его машину – как средство передвижения до пункта приема пустых бутылок.

В первый раз за сегодняшний день Вере повезло. Федор, абсолютно трезвый и гладко выбритый, сидел около своей таратайки, мечтательно взирал на звезды и с остервенением грыз уже наполовину съеденный карандаш. Периодически он вынимал огрызок изо рта и что-то торопливо записывал в замусоленную тетрадь, лежавшую у него на протертых до дыр коленях. Ни на какие внешние раздражители Федор не реагировал, так как в данный момент пребывал в астрале, пытаясь выудить из его глубин взаимно рифмующиеся слова. Федор Мышкин был поэтом и спился из-за того, что его гениальные стихотворные опусы никто не хотел принимать всерьез. Совсем недавно Вера узнала, что у Федора появилась новая идея, которая, по его словам, должна была вознести его на гребень славы – сразу после публикации в печати. Замысел поэта был в том, чтобы выдать миру стихотворный вариант романа Булгакова «Мастер и Маргарита» и этим утереть носы собратьям по перу. Свою работу Федор решил начать в день полной Луны, которая всегда возносила его на пик вдохновения. Начало романа Федор прочитал несколько раз еще днем и выучил его наизусть.

«Однажды весною, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина. Первый из них, одетый в летнюю серенькую пару, был маленького роста, упитан, лыс, свою приличную шляпу пирожком нес в руке, а на хорошо выбритом лице его помещались сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе. Второй – плечистый, рыжеватый, вихрастый молодой человек в заломленной на затылок клетчатой кепке – был в ковбойке, жеванных белых брюках и в черных тапочках» – так писал Михаил Булгаков, Федор Мышкин же писал следующее:

Однажды жаркою весеннюю порою,

Как только солнце поспешило убежать за пруд,
В Москве два гражданина появились ниоткуда,
Один был толст и лыс,
Другой был худ.
У маленького толстого мужчины
Очки были одеты на носу.
Другой, вихрастый молодой детина,
Затылок прятал под клетчатую кепу....

Последняя фраза никак не выходила у Федора, душу его терзали подозрения, что слово «кепа», возможно, будет неправильно истолковано читателем, и этим он нанесет непоправимый вред репутации своего любимого писателя.

Заметив наконец рядом с собой Веру, Федор покраснел, спрятал в карман тетрадку, смущенно улыбнулся и, протянув к ней руки, воскликнул:

– Что привело тебя, душа моя, ко мне? Неужто вновь я нужен стал тебе? О муза! Посмотри на небо! Там в небесах сияет лунный диск... лунный диск... м-м... Ну, да ладно. Кстати, Вера, почему от тебя так воняет? Могла бы и помыться перед свиданием, – перейдя от стихов к прозе, по-деловому спросил Федор и недовольно сморщил нос.

– Заводи свою колымагу, Федя. Девушку одну необходимо срочно доставить в больницу.

– Какую девушку? – кокетливо спросил поэт.

– Вот эту, – подняв с травы бесчувственное тело, объяснила Вера, открыла заднюю дверцу машины, затолкала девушку туда и уселась сама, раздраженно хлопнув дверью.

– О небо! – сокрушенно завопил поэт, запуская двигатель. – Вы обе определенно засрете весь мой только что отмытый автомобиль! Ты что, на помойке ее нашла?

– Угадал, прорицатель. Прошу тебя, Федя, – гони! Мы не должны ее потерять. Девчонка должна выжить, – взволнованно залепетала Вера.

– Ну, ты прям мать Тереза, блин, – заржал Федор, выжав до отказа педаль газа. – С чего это у тебя так душа за нее взволновалась? Небось обкололась подруга наркотой – мало, что ль, таких по всему парку валяется?

– Она не наркоманка, кретин безмозглый! Ее маньяк-«мусорщик» придушил, к счастью, не до конца, и в помойку выкинул, а я, как дура последняя, ему случайно на глаза попалась во время этого занятия. Теперь я и она – свидетели!

– О господи, Вера! – разволновался Федор. – Тебе угрожает смертельная опасность! Если ты действительно видела «мусорщика» в лицо и он об этом знает, он будет...

– Не будет, – задумчиво сказала Вера, – я его, кажется, убила. Бутылкой по голове шарахнула, когда он эту девочку второй раз пытался придушить.

– Как это – второй раз? – ошарашенно спросил Федор.

– Неважно. Но теперь, если девочка умрет и меня повяжут за убийство этого ублюдка, – никто никогда не поверит, что я сделала это, чтобы спасти ей жизнь.

– Почему тебя обязательно должны повязать? Даже если кто-то видел, как ты его по башке бутылкой ударила, то видел и то, что ударила ты его не просто так!

– В том-то все и дело, что никто ничего не видел, кроме этой девочки.

– Тогда я вообще не понимаю, почему ты так разнервничалась?

– Я его так сильно шарахнула, что бутылка от удара разбилась, а на осколках – мои отпечатки пальцев! Ментам особого труда не составит выяснить по картотеке, кому эти отпечатки принадлежат и, соответственно, кто убийца. А найти меня – вообще не проблема. В округе каждая собака знает, где обитает Верка по прозвищу Кошелка.

– Да, плохо дело. Но ты твердо уверена, что убила его? Может, еще оклемается? Хотя и это тоже плохо. Ну ты и вляпалась, подруга! Ладно, не унывай, что-нибудь придумаем, – заботливо сказал Федор, въезжая в ворота муниципальной больницы.

Вера вздохнула с облегчением. Осталось сдать девушку в приемное отделение, и за ее жизнь она будет относительно спокойна. Однако Федор на большой скорости просквозил мимо нужного входа и припарковал машину возле унылого кирпичного здания с массивной железной дверью.

– Ты что, офанарел?! – завопила Вера, с ужасом косясь на прикрученную к двери табличку с надписью «Морг». – Совсем мозги свои пропил?! Куда ты нас привез?!

– Да не ори ты. Друг у меня тут работает.

– И что?! Ты, между делом, решил его навестить, кретин безмозглый! Девочке врач нужен – срочно!

– Он и есть врач! А ты прекрати обзывать и сама мозгами своими пошевели. Нельзя девочку в больницу сейчас везти. Если ты «мусорщика» не убила, то он, как только очухается, первым делом будет ее искать. И где, ты думаешь, он будет ее искать? В ближайшей больнице, естественно. Здесь же вы будете в безопасности. Пахомыч человек хороший, в помощи не откажет, приютит. У него и переночевать можно, и помыться. А я поеду обратно и постараюсь все выведать. Где, ты говоришь, его бутылкой-то прихлопнула?

– Недалеко от фонтана. Там есть еще дерево такое кривое... ну, у которого ты мне, когда ухаживать за мной начал, стихи свои читал.

– Понял. Очень романтично однако. Ну и корова ты, Вера, все-таки! Не могла другого места для расправы над «мусорщиком» подыскать, – недовольно пробурчал поэт и вышел из машины.

Пять минут спустя Федор, уладив все дела, вернулся, открыл дверь машины, за которой сидела бледная Вера, и галантно протянул руку, чтобы помочь ей выйти.

– Выходи, душа моя. Нам повезло – Пахомыч сегодня дежурит и с радостью примет вас к себе на ночлег.

– Не пойду, – тихо прошептала Вера побелевшими губами. – Я покойников боюсь – не пойду, даже не уговаривай.

– Вылезай и прекрати дурью маяться, – раздраженно сказал Федор. – Ну как девочка в самом деле! Надо не покойников бояться, а живых людей. Неужели ты до сих пор этого не поняла?

Вера неохотно подчинилась. Они вытащили девушку из машины, подхватили ее за руки и за ноги и понесли на осмотр. Федор был абсолютно прав. Живые были гораздо страшнее мертвых. Сколько раз непутевая жизнь Веры подвергалась опасности, сколько раз ее судьба ломалась из-за этих живых. Сколько раз били, просто так, ради того, чтобы развлечься, и на память об этих развлечениях у нее остались раны, которые со временем затянулись на теле, но так и остались кровоточить в ее измотанной душе...

Глава 3

Морг

– Живая, – авторитетно заметил патологоанатом после тщательного осмотра девушки и задумчиво добавил: – Пока.

– Что значит «пока»? – испуганно спросила Вера.

– Все мы не вечны, – философски изрек Пахомыч и потрусил к раковине мыть руки. Выключив воду, патологоанатом обернулся вполоборота и, хихикнув, спросил: – Что, в штаны наложили со страху? Не дрейфь, Веруня, проживет твоя помоечная девица еще лет сорок-пятьдесят, если впредь станет вести себя осмотрительнее и не будет шляться по лесопарковой зоне по ночам. Синяки на шее пройдут недельки через две, связки в относительном порядке. Сейчас она в глубоком обмороке, потому что перенесла сильный шок, но в скором времени очнется. Я бы мог сейчас ее в чувство привести, но, к сожалению, нашатырь кончился. Народ сейчас больно впечатлительный пошел, чуть что – сразу сознание теряет...

– Слава богу! – с облегчением вздохнула Вера и так обрадовалась, что даже на некоторое время забыла, где находится.

– План действий такой, – продолжил Пахомыч. – Ты, Федор, езжай на разведку. А ты, Вера, вези девушку в помывочную, помой ее и одежду простирни, а то от нее воняет, как от трупа, который провалялся без дела на жаре пару недель. Сама тоже ополоснись – мне и без вас тут «приятных» запахов хватает.

Пахомыч выдал Вере пару чистых простыней и мыло, проводил до нужной двери и тактично удалился, оставив полуживую от страха Веру и полумертвую от шока девушку одних в слабоосвещенном, пропахшем хлоркой кафельном помещении.

Стараясь не думать о том, что в данном помещении совершают свое последнее купание покойники, Вера привела себя в порядок, тщательно простирнула свою одежду и нерешительно посмотрела на все так же пребывающую без сознания девушку. Поколебавшись минуту, Верочка сняла с несчастной пропахшую помойкой одежду, отрегулировала воду в шланге и осторожно направила струю на тело девушки. Та вздрогнула, открыла глаза и села на каталке, удивленно оглядываясь по сторонам.

– Где я? – испуганно спросила она, остановив свои огромные зеленые глаза на раздетой догола Вере, которая продолжала стоять со шлангом в руке.

– В морге, – растерянно выдавила из себя Верочка... Девушка вскрикнула, закатила глаза и вновь потеряла сознание. – Какая же я идиотка, – вынесла себе вердикт женщина, помыла девушку, замотала ее в простыню, закуталась сама и выкатила каталку в коридор.

Спустя несколько минут Пахомыч, управившись со своими обязанностями, заваривал свежий ароматный чай и ловко стругал бутерброды с колбасой и сыром.

– Интересный какой у тебя нож. Я такой в первый раз вижу, – сглотнув слюну, сказала Вера, наблюдая за действиями Пахомыча.

– Ну ты даешь, Верунь! – недоверчиво воскликнул патологоанатом. – Ты что, скальпеля никогда не видела?

– Скальпеля? – переспросила Вера. – Это который хирурги во время операций используют?

– Да, хирурги во время операций, а я – во время вскрытия, – уточнил Пахомыч и спросил: – Тебе с чем бутерброд – с сыром или колбасой?

– Я, пожалуй, просто чайку выпью. Есть что-то совсем не хочется, – пролепетала Вера, отчетливо представив, что перед тем как нарезать колбасу, Пахомыч этим же скальпелем вскрыл несколько трупов.

– Ну, чаю, так чаю, – улыбнулся патологоанатом. – Предложить чего покрепче, извини, не могу, по причине временной антиалкогольной блокады. Год уже как завязал. Я, знаешь ли, хирургом раньше был высокочеловеческим, специализировался по кровеносным сосудам – это когда у кого что случайно оторвется, пришивал обратно. Ценили меня, уважали... Потом несчастье случилось... Ехал я с дачи. Поздно уже было, туман, а на дорогу вдруг лось из леса выбежал! Я вдарил по тормозам, руль – в сторону, и я в дерево вмазался со всей дури! Все внутренние органы в порядке, а рука – вот... Сухожилие повредил. Сама понимаешь, что такое руки для хирурга. Так я в морге и оказался. Обслуживаю теперь покойников. Сначала страшно и противно было, а водки выпьешь или спиртику медицинского – и вроде отпускает. Потом к покойникам привык и к бутылке тоже. Пил страшно и допился до того, что у меня глюки начались. Что, мол, покойники, которым я вскрытие делаю, плачут в холодильнике от боли и обиды... Представь, сижу я один в морге, а они плачут и плачут, плачут и плачут! Сначала плачут, а потом стонут...

И тут тихий стон из другого угла комнаты заставил собеседников вздрогнуть. Пахомыч от неожиданности уронил чашку с горячим чаем на пол, Вера перекрестилась и побледнела.

– Тьфу! – придя в себя, воскликнул Пахомыч. – Девчонка твоя в сознание пришла. Напугала до смерти!

– Где я? – спросила девушка, оглядываясь по сторонам.

– Это доктор, – торопливо уточнила Вера, пытаясь успокоить несчастную. – Меня зовут Вера – это я тебя сюда привезла из парка, после того как ты... как тебя...

– Да, да, я помню. Спасибо вам, Вера, вы спасли мне жизнь! Можете не сомневаться, я никогда не забуду то, что вы для меня сделали, – девушка на секунду замолчала, потеряла виски и задумчиво добавила: – Как странно, Вера, пока я была без сознания, меня посетило странное такое видение, будто я умерла и меня готовят к вскрытию, обмывая из шланга. И вы в моем видении тоже присутствовали – вы были без одежды! – Девушка опять помолчала немного, с опаской оглядывая Веру, вновь потеряла виски и растерянно сказала: – Кажется, я очень плохо себя чувствую. А почему я в простыне и волосы у меня мокрые? Спасибо вам за все, но мне пора идти... Где моя одежда, сумочка и чемодан? Я что, их потеряла? А что случилось с человеком, который пытался меня убить? Необычная какая больница... У вас, доктор, халат грязный... мне очень пить хочется. Не будете ли вы так любезны... водички дайте, пожалуйста, – горло очень болит. Кстати, меня зовут Диана, можно просто Ди, как принцессу, а можно просто Дина, как собачку, меня отец всегда так называл, – девушка болтала без умолку, не останавливаясь ни на секунду, не давая вставить в свою речь ни слова.

Пахомыч, тяжело вздохнув, налил в стакан воды, добавил туда успокоительное и, преодолевая яростное сопротивление девушки, влил жидкость ей в рот. Диана закашлялась и наконец-то замолчала, дав возможность Вере рассказать, что произошло. Выслушав рассказ до конца, Диана тихо заплакала.

– Ну, ну, милая, все уже позади. Все будет хорошо, а горлышко до свадьбы заживет, – успокаивала Диану Вера, крепко обняв ее и прижав голову с роскошными рыжими волосами к своей груди.

– Я уже замужем, – шмыгнула носом Диана.

– Уже? – удивилась Вера, разглядывая хорошенькое юное личико с ямочкой на левой щеке. – Сколько же тебе лет?

– Восемнадцать с половиной, – гордо доложила Диана, хлопнув длинными рыжими ресницами.

– Вот что, принцесса, давай мы сейчас же позвоним твоему мужу и сообщим ему, что с тобой все в порядке. Он, вероятно, очень волнуется, – предложила Вера.

– Который час? – взволнованно спросила Диана.

– Около трех часов ночи, – ответил Пахомыч.

– Боже мой! Я обещала, что, как только прилечу, – сразу сообщу ему! Я ведь должна сейчас находиться в Италии, на Средиземном море. Где у вас телефон? Я свой мобильный дома забыла. – Пахомыч протянул девушке аппарат, и она трясущейся рукой набрала номер. – Дорогой, это я. Как я долетела?.. Нет, дорогой, я сейчас не в отеле, я в морге... Але, дорогой? Але!!! Ничего не слышно! Повесил трубку, кажется, – с досадой сказала Диана и вновь набрала номер. – Милый, ты только не волнуйся, запиши, пожалуйста, адрес и приезжай за мной поскорее, передаю трубку патологоанатому... Пахомычу.

Глава 4

Родственные души

– Я все тщательно проверил, Вера, нет его нигде. Около дерева следы крови, осколки стекла, но никакого трупа, – сообщил Федор, как только вернулся с разведки. – Живучий оказался, скотина! Да, вот еще что, недалеко от входа в парк я нашел чемодан – но он пустой. Видимо, все вещи бомжи растащили. Сумочка около мусорного бака валялась, открытая, но деньги и документы остались в ней.

– Странно, – задумчиво сказала Вера, – почему он не взял сумочку?

– А зачем она ему нужна? Он же не вор, а убийца, – возразил Федор.

– Я читала все заметки про маньяка-«мусорщика». Он всегда забирал сумочки жертв себе – вероятно, в качестве трофея прихватывал. Почему же он сейчас сумочку оставил?

– Но он же не смог убить, поэтому и оставил, – выдвинул свое предположение Пахомыч.

– Сумочка валялась рядом с мусорным баком, но убийца тогда еще не знал, что Диана не умерла, он думал, что убил ее. Вот если бы сумочка валялась рядом с деревом, тогда это было бы логично, – возразила Вера.

– Да мало ли по какой причине он не взял сумочку? Может быть, хотел взять, но ты его спугнула. Только вот сумочка-то была открыта: либо защелка сама расстегнулась, либо это он ее открыл. Если бы это сделали бомжи, то деньги из нее однозначно бы пропали, – сказал Федор.

– Сумочка действительно могла сама открыться, – подтвердила Диана. – Там такой замок хлипкий, постоянно расстегивается.

– Хорошо бы она сама расщелкнулась, – вздохнула Вера. – Потому что, Диана, если это он ее открыл, то с легкостью узнает, где ты живешь! Объясни, как ты оказалась в парке наедине с убийцей, если должна была быть в это время в аэропорту Шереметьево-2?

– Я живу за городом, в ближнем Подмосковье. В аэропорт должен был отвезти меня муж, но за час до выезда он позвонил мне и сообщил, что неожиданно прилетели очень важные партнеры по бизнесу и он просто не может приехать. Своего шофера он тоже не может при-слать, так как он поехал забирать эту делегацию из гостиницы, чтобы привезти ее на перегово-ры. Времени было в обрез – заказать такси я не успевала, поэтому решила выйти на шоссе и поймать попутку.

– Значит, ты поймала первую попавшую машину на шоссе и в ней оказался маньяк? – уточнила Вера.

– Нет, я не дошла туда. До шоссе из нашего поселка идти около двух километров по проселочной дороге, там я и села в эту машину. Водитель машины притормозил около меня, сказал, что едет от гостей, и предложил подвести меня до шоссе. Я ему сразу поверила. У нас там посторонних почти не бывает, а отдельно стоящих поселков очень много. К тому же чемо-дан был тяжелым, и я согласилась. Мы разговорились, оказалось, что он тоже едет в аэропорт встречать свою жену. Каждую минуту он смотрел на часы и повторял, что опаздывает. Потом сказал, что знает, как добраться до Шереметьева другой, более короткой дорогой. Я обрадо-валась, хотя мне показался странным путь, который он выбрал. Мы подъехали к парку, и у него заглохла машина. Он вышел, надел на себя какой-то старый замусоленный плащ, открыл капот. На улице было уже темно, ни один фонарь не работал, и он попросил меня посветить ему фонариком. Я вышла, а дальше... он схватил меня за горло и начал душить!

– Не нравится мне все это, Диночка. Если бы ты эту машину на шоссе поймала – все можно было бы списать на случайность. Выходит, что он не просто так предложил тебя под-

везти! Не исключено, что он давно за тобой следил и ждал подходящего момента. Чем-то ты ему приглянулась, принцесса.

– Может быть, это все-таки случайность и он действительно ехал из гостей?

– В любом случае, если он приезжал к кому-то или следил за тобой, это дела не меняет. Ты видела его лицо, слышала его голос, запомнила его машину – и он не успокоится, пока не убьет тебя. Тебе необходимо уехать, Диана, уехать как можно быстрее и как можно дальше. Ты, кажется, на море собиралась – может быть, есть еще возможность как-то билет восстановить? В Италии ты будешь в полной безопасности. Отдохнешь, успокоишься, а за время твоего отсутствия, возможно, убийцу найдут. Завтра пойдешь в милицию и составишь его фоторобот, опишешь машину...

– Ты поедешь со мной, Вера. Ты в такой же опасности, как и я, наверное, даже в большей, ведь именно ты помешала ему осуществить задуманное, – с жаром заявила Диана.

– За меня не волнуйся, Диночка. Я сумею позаботиться о себе, поверь мне. И не в такие неприятности попадала.

– Но я оплачу поездку, мне будет это очень приятно, тем более, я обязана тебе жизнью, – не отступала девушка.

– Эх, Диана, не уговаривай ее. Даже если бы Верочка захотела поехать, все равно бы не смогла, – тоскливо изрек Федор.

– Но почему? – удивилась девушка.

– У нее загранпаспорта нет, – хихикнул поэт. – И обычного, впрочем, тоже.

– Тогда и я никуда не поеду, – решительно сказала Диана. – Сейчас приедет мой муж, ты поедешь ко мне домой и будешь жить у меня до тех пор, пока убийцу не схватят.

– Я не могу, – растерялась Вера.

– Прекрати, у меня полно места. А мой муж будет только рад принять у нас женщину, которая спасла мне жизнь. У меня мы будем в полной безопасности.

– Но...

– Не спорь со мной. Я не переживу, если с тобой что-нибудь случится!

– Спасибо тебе, Дианочка, но... посмотри на меня. Я бродяга, лицо без определенного места жительства. Я живу рядом с помойкой, собираю бутылки, сплю на улице, питаюсь из мусорного бака. Мне нет места среди нормальных людей, и я не хочу быть среди них.

– Нормальных?! – удивленно воскликнула Диана. – Прости, я что-то не поняла, кого ты называешь нормальными? «Солнце заглядывает в ямы с навозом, но не оскверняется» – так говорил великий древнегреческий философ Диоген.

– Что? Что ты сказала? – воскликнула Вера.

– Я имела в виду, что хороший человек, попав в любую, даже самую ужасную ситуацию, всегда остается самим собой. Я знаю тебя всего несколько часов, Вера, и не только тебя, но и Федора, и Пахомыча, и вы самые нормальные из всех, кого я знала за всю свою жизнь! Потому что вы не притворяетесь – вам незачем это делать, и я завидую вам. Вы настоящие, а в том мире, где живу я, все пронизано фальшью и завистью, – Диана говорила с надрывом и болью, которые отчетливо читались в ее больших зеленых глазах.

Обеспеченная девочка из хорошей семьи была несчастна и неудовлетворена своей жизнью, и Вера вдруг ощутила, что в ее душе зародилась какая-то непонятная жалость к этой рыжеволосой красавице. Из глубины души поднялась горячая волна, открылась зарубцевавшаяся рана, вспомнилась дочь, на глаза навернулись слезы. В один миг эта немного странная, совершенно чужая девушка стала близка Вере, словно была ее собственной кровью и плотью, родной, понятной и любимой. Еще Вера подумала, что она уже видела эту девочку где-то, только где – вспомнить не смогла.

– Ну вот, кажется, и твой благоверный явился, – услышав шум, сообщил Пахомыч и поспешил к дверям, чтобы встретить вновь прибывшего, но неожиданно был отброшен в сто-

рону мужчиной, который сломя голову ворвался в помещение с выражением крайней обеспокоенности на лице.

– Рыжик!!! – завопил он, как только его безумные глаза сфокусировались на Диане. – Рыжик, что случилось?! Боже мой!!! Почему ты сидишь в этом ужасном месте, замотанная в простыню, как в саван, в окружении этих странных людей?!!

– Познакомьтесь, это мой муж – Павел Сергеевич Зорин, – улыбнулась Диана и поспешила к мужу. – Успокойся, Паша, со мной все хорошо, – Вера с удивлением окинула взглядом мужа Дианы: подтянутый, ухоженный, высокий, привлекательный, но при всей своей молодости Павел Сергеевич Зорин годился Диане скорее в отцы, а не в мужа. – Садись, дорогой, я тебе все сейчас объясню, – продолжила Диана, взяв мужа за руку и усаживая на стул. – Пахомыч, будьте добры, налейте ему той же ужасной смеси, которую влили в меня. Потрясающее средство, скажу я вам, – такое ощущение, что моя нервная система утратила все свои нервные окончания. Теперь мне уже и не верится, что всего пару часов назад меня пытались убить.

– Тебя пытались убить?! – воскликнул Павел Сергеевич, давась успокоительным лекарством.

– Да, даже два раза подряд, – хихикнула Диана.

– О, дорогая, как же это? Кто?

– Не знаю, но собираюсь выяснить в самом ближайшем будущем. Предварительная информация – маньяк-«мусорщик», убивший около шести женщин за последний год. А эти люди спасли мне жизнь и помогли. Собирайся, Вера, поехали. Завтра, вернее, уже сегодня, напишем заявление в милицию, а сейчас я хочу домой и спать. Павел, ты успокоился? Машиной управлять можешь?

– Могу, дорогая, не волнуйся, – пытаюсь прийти в себя, сказал Павел и обратился к Пахомычу: – Спасибо, что приютили мою жену и оказали ей помощь.

Павел Сергеевич вынул из кармана кошелек, достал оттуда зеленую бумажку и положил на стол рядом с патологоанатомом.

– Уберите деньги, – недовольно пробурчал Пахомыч. – Любой порядочный человек поступил бы так. Всего вам доброго и берегите свою молодую жену, Павел Сергеевич.

– Можете не волноваться, теперь я глаз с нее не спущу. Пойдем, дорогая, – убирая обратно в кошелек купюру, сказал Павел Сергеевич и, окинув странным взглядом Веру, вежливо, но холодно спросил у нее: – Куда вас подбросить?

– Верочка поедет с нами и будет жить у нас, пока убийца не будет схвачен, – ответила за Веру Диана.

– Жить у нас? – растерянно переспросил Павел Сергеевич. – Но, Рыжик...

– Я сказала, дорогой, что Вера будет жить у нас, – тоном, не терпящим возражений, сказала Диана и, взяв Веру за руку, потащила ее к двери.

Вера поплелась за девушкой, на ходу схватила свою еще не просохшую одежду и удивилась во второй раз. Невооруженным глазом было видно, кто в этой семье хозяин. Принцесса явно имела большую власть над своим супругом, и он, сильный с виду мужчина, который был гораздо старше и опытнее своей жены, безропотно выполнял все ее приказы. Именно приказы, скрытые от посторонних вежливым обращением «дорогой».

Как два приведения – бледные от усталости, растрепанные, завернутые в белые простыни, – они вышли из дверей морга на улицу, перепугав до смерти дворника, который уже приступил к своим утренним обязанностям. С перепугу он бросил метлу и с диким воплем бросился наутек, переполошив своим криком еще не проснувшихся птиц. Повеселившись немного этому обстоятельству, Вера с Дианой сели в машину и мгновенно уснули, крепко обняв друг друга, на заднем сиденье авто.

Глава 5

Очередной вираж судьбы

– Прошу прощения, – нежный голосок и робкий стук в дверь разбудил ее. Вера резко села в кровати и испуганно огляделась по сторонам. Кровать в стиле Людовика XIV с балдахином, нежные шелковые простыни с вышивкой ручной работы, антикварная мебель...

– Это что такое? – ошарашенно воскликнула Вера, вскочила с кровати и заметалась по роскошно обставленной комнате. Последнее, что она помнила, – как села с Дианой в машину ее мужа.

– Простите, – повторила невысокая девушка в белом переднике, которая стояла в дверях с подносом в руках. – Диана Владимировна распорядилась подать вам завтрак в вашу комнату, как только вы проснетесь. Я ждала, ждала... а уже час дня... Я разбудила вас, да? Так я могу войти, а то завтрак... – наблюдая за хаотичными передвижениями по комнате странной гостьи, неуверенно спросила девушка. – Вы что-то потеряли? Могу я вам помочь?

– Нет!!! – взвыла Вера, уставившись на свое отражение в зеркале.

– Нет? – переспросила горничная.

– Нет, морда – моя, и я не пила уже месяц. Значит, «белка» исключается. А рубашечка-то на мне, шелковая, с кружевами и вышивкой – не моя. – Вера ущипнула себя за руку и вскрикнула от боли.

– Я, пожалуй, пойду, – пропищала девушка, опасливо добежала до столика, инкрустированного золотом, бесшумно поставила на него поднос с завтраком и боком поспешила к двери.

– Стой! – закричала Вера. – Девушка вскрикнула и застыла на месте. – Мою одежду принеси поскорее. Я... Мне срочно надо домой. То есть не домой, а... В общем, мне нужна моя одежда.

– Одежда в шкафу висит, – пролепетала горничная и скрылась в дверном проеме, плотно прикрыв за собой дверь.

Вера распахнула шкаф – все полки были забиты вещами, совершенно новыми вещами с бирками: брючки, кофточки, маечки, белье, чулочки; нижние полки уставлены обувью разных цветов и моделей.

– Ой! – сказала Вера и села на пол, усиленно потирая виски. – Где это я?

– Верочка, ты проснулась? – в комнату ворвался огненно-рыжий вулкан и уселся рядом с ней на полу. – Тебе плохо? Врача позвать?

– Нет, нет – все хорошо, – криво улыбнулась Вера, поднимаясь с пола. – Просто...

– Знаешь, вчера, когда мы к моему дому подъехали, я тебя пыталась разбудить, но ты так крепко уснула, что не проснулась, даже когда тебя из машины вытащили и в комнату для гостей отнесли. Ты продолжала дрыхнуть и когда горничная тебя в ночнушку запихивала, – рассмеялась Диана. – А почему ты еще ничего не покушала?

– Не хочется что-то, – подавленно сказала Вера.

– Тогда переодевайся и спускайся вниз, я тебе мой дом покажу и познакомлю со всеми.

– Но моя одежда... Горничная сказала, что она в шкафу. Я поискала, но ничего не нашла.

– Прости, но твоя одежда... она была в таком виде, что я ее... Короче, я ее выкинула. В шкафу одежда специально предназначена для гостей – я ее на всякий случай держу. Надевай, что тебе нравится, – радостно сообщила Диана, но потом, окинув взглядом Веру, неуверенно добавила: – Хотя, наверное, зря я поспешила. Размер у тебя... не совсем стандартный. Какой у тебя рост и размер ноги?

– Метр девяносто и сорок, – угрюмо сообщила Вера, косясь на свою худую и длинную фигуру в зеркало.

– Да, – вздохнула Диана. – Вер, ну ты придумай что-нибудь, а вечером поедem в магазин и подберем тебе то, что будет по размеру. Ну ладно, я пошла. Буду ждать тебя внизу в гостиной. Да, чуть не забыла, мы с мужем решили, что расследование будем вести анонимно. Если о происшествии, которое со мной приключилось, узнают журналисты – спокойная жизнь мне будет сниться только по ночам. Папарацци замучают. Муж хочет нанять хорошего частного детектива. У него уже есть один на примете. Сегодня вечером муж привезет его к нам.

Диана выскользнула за дверь, оставив смущенную и растерянную Веру одну. Нерешительно она подошла к шкафу и аккуратно вытащила из него первые попавшиеся брюки и блузку. Скинув с себя ночнушку, Верочка попыталась натянуть эти вещи на себя. На узких бедрах брюки сидели идеально, но длина их доставала Вере только до икр, а кофта неприлично оголяла пупок и еле-еле сходилась на груди – зрелище было впечатляющее. Решив сменить брюки на юбку, Вера внимательно оглядела полки шкафа и выудила из него несколько симпатичных юбочек – все они были средней длины, но на Вере смотрелись, как вызывающе короткие мини, демонстрируя окружающим худые длинные ноги, и Верочка стала смахивать на дебильную школьницу-переростка. Штаны все же были лучше, и она опять переоделась. Все кофты и майки в шкафу оказались одинаково коротки, но ей наконец повезло – на верхней полке шкафа она заметила широкий шерстяной шарф в клетку и обмотала его вокруг талии, пытаясь замаскировать им голый пупок. Осталось подобрать только обувь... Туфель сорокового размера, конечно же, не оказалось, пришлось натянуть на ноги босоножки и плюнуть на то, что пальцы на ногах вылезают из них на два размера вперед, а пятка практически стоит на полу.

– Ужас, – вздохнула Вера, разглядывая свое отражение в зеркале. – Кошелка, одним словом. Моя хламида смотрелась бы на мне куда лучше.

Прозвище Кошелка прилипло к Верочке еще в школе, сначала как производное от фамилии, а потом закрепилось, когда в седьмом классе она вдруг из маленькой аккуратной девочки превратилась в длинную нескладную каланчу, опередив в росте на две головы самых высоких одноклассников. Стесняясь своего роста и худобы, Верочка стала сильно сутулиться, что усугубило положение. Постепенно она привыкла и перестала комплексовать, осанка выпрямилась, худоба и высокий рост стали восприниматься другими скорее как достоинство, а не как недостаток. Появились поклонники. Она никогда не была красива, но умела следить за собой, умела нравиться, стильно и со вкусом одевалась... Это было давно, в другой ее жизни, о которой она постаралась забыть раз и навсегда. И только прозвище так и осталось при ней, преследуя ее как призрак из прошлого, напоминая о том, кем она когда-то была.

– Ну да ладно, – махнув рукой на свое отражение, сказала Вера. – Придется забыть, что мне уже сорок два, реже смотреться в зеркало и попытаться воспринимать ситуацию, в которой я оказалась случайно, как маленькое приключение.

Вера успокоилась, открыла дверь и с любопытством выглянула наружу.

– Жизнь миллионеров изнутри, – улыбнулась женщина, оглядывая коридор, который по своему великолепию мало чем отличался от комнаты для гостей. – А я – как кусок дерьма с ботинок, прилипшего к персидскому ковру ручной работы, – добавила она и вышла из комнаты.

В гостиной никого не было. Вера огляделась. Антиквариат, смешанный с самой современной и модной мебелью ловкой и умелой рукой хорошего дизайнера, делали комнату неповторимой и уютной. Окно занимало почти всю стену гостиной, зрительно увеличивало пространство и пропускало в комнату много света. Из окна открывался великолепный вид на сад с экзотическими низкорослыми кустарниками и деревьями и на декоративный пруд, покрытый белоснежными водяными лилиями.

Из коридора, ведущего в гостиную, слышались голоса. Один принадлежал Диане, другой – уже знакомой ей горничной.

– Диана Владимировна, честное слово, я вытирала пыль в вашей комнате сегодня, – робко лепетала горничная.

– Значит, плохо вытирала. Иди и вытри еще раз, как следует. Я зашла туда всего на минуту, и у меня сразу же заслезились глаза и запершило в горле. И еще раз тебе повторяю – никакой химии, только вода и мягкий шампунь. Поняла? – строго отчитывала горничную Диана, в ее голосе слышались властные металлические нотки.

Вера удивилась вновь. Несчастливая одинокая девочка, проливающая слезы у нее на груди, властная женщина, отдающая приказы своему мужу, не терпящая возражений хозяйка большого дома – слишком много характеров уживалось в этой рыжеволосой красотке, которой было всего восемнадцать с половиной лет. Но в подобном поведении, вероятно, имелась необходимость. Требовалось вести себя так, а не иначе – это диктовала жизнь, в которой эта девочка жила. Вера вдруг вспомнила, где она видела Диану. Несколько месяцев назад все газеты пестрели заголовками, сообщая миру, что скончался один из самых богатых людей России, нефтяной магнат Владимир Шатров. После смерти Шатрова единственной наследницей его многомиллионного состояния стала дочь – восемнадцатилетняя студентка Оксфорда Диана Владимировна Шатрова. Милая рыжеволосая девушка, которую она спасла в парке, оказывается, была баснословно богата! Теперь Вера вообще перестала что-либо понимать. Если сначала она решила, что Диана вышла замуж за Зорина по расчету, решив поправить свое материальное положение, то теперь, когда стало ясно, что она совсем не нуждается в деньгах, выбор девушки показался Вере, мягко говоря, странным. В глазах Дианы она не заметила особо пылких чувств к мужу, хотя Зорин, несомненно, ее боготворил и беспрекословно слушался.

– Я не использовала никакой химии. Хотела только, чтобы в комнате приятно пахло, и сбрызнула своими духами тряпку, – продолжала оправдываться горничная.

– Да ты в своем уме! Никакой парфюмерии у меня дома. У меня астма! Астма – тебе понятно? Неужели тебя не проинструктировали перед тем, как ты начала здесь работать?

– Простите, Диана Владимировна, больше это не повторится, – чуть не плача, сказала девушка.

– Ладно, иди, Марина, – смиростивилась принцесса, отпустила горничную и вошла в гостиную. – Верочка, ты уже здесь? – воскликнула Диана, придирчиво оглядывая Веру. – Прекрасно выглядишь, – добавила она несколько неуверенно. – Только зря ты плед вокруг талии обвязала, жарко сегодня – запаришься.

– Плед? – смутившись, переспросила Вера, – А я думала, это...

– Ерунда, если тебе вдруг захочется намотать на себя занавеску, я не возражаю. Ты вообще можешь делать в этом доме все, что пожелаешь. Да, вот еще что: некоторое изменение планов. Муж позвонил и сообщил, что частный детектив приедет только завтра, поэтому весь день и вечер у нас свободны. Сейчас я покажу тебе дом, познакомлю с прислугой, мы перекусим чем-нибудь, а потом...

– А что потом? – широко улыбнулась Вера.

– А потом... стоматолог, косметолог и стилист.

– Нет, только не это! – попыталась возразить Вера.

– Да, да, да, – хихикнула Диана, схватила Веру за руку и потащила осматривать свои владения.

На первом этаже располагались гостиная, столовая, каминная, кухня с подсобными помещениями; на цокольном – сауна, закрытый бассейн, тренажерный зал, комнаты прислуги (садовника, кухарки и горничной); на втором – помещения для гостей, комнаты супругов; на третьем – библиотека, бильярдная и студия. Стремительно пробежав по всему дому, Вера окончательно потеряла ориентацию в пространстве, и когда они вернулись обратно в гостиную, уже с трудом понимала, где находится.

– У тебя великолепный дом, – пытаюсь вернуть в фокус разбежавшиеся в разные стороны глаза, сказала Вера и плюхнулась в кресло.

– Спасибо, я рада, что тебе у меня понравилось, – улыбнулась Диана. – Дом построил мой отец – это его гордость. После его смерти хозяйкой стала я. Только знаешь, если честно, я бы предпочла что-то другое, более уютное и маленькое. Все эти хоромы подавляют человека, но Зорин со мной по этому поводу категорически не согласен. Прости, я, наверное, своими рассуждениями ставлю тебя в неудобное положение и раздражаю, – спохватилась Диана.

– Диана Владимировна, обед готов. Куда подавать? – спросила горничная, прервав их беседу.

– На террасу, Марина. Погода хорошая – не хочется сидеть в четырех стенах.

– Но Павел Сергеевич просил, чтобы вы не выходили на улицу, – попыталась возразить горничная.

– Я же сказала тебе – на террасу, – раздраженно произнесла Диана. – Охрана на въезде в поселок предупреждена, чтобы никого без пропуска не допускать на территорию. В саду так же безопасно, как и в доме.

– Слушаюсь, – угрюмо сказала горничная и удалилась.

– Новенькая, – вздохнула Диана. – Раздражает меня – сил нет, а уволить рука не поднимается – сирота. Ну что, проголодалась? Тогда пойдем, перекусим слегка. Прости, не успела поинтересоваться, что ты любишь, поэтому попросила приготовить всего по чуть-чуть.

«Всего по чуть-чуть» занимало весь стол, рассчитанный на двенадцать персон. От аппетитных запахов у Веры закружилась голова и подкосились ноги. Она тяжело осела на стул, сглотнула набежавшую слюну и строго напомнила себе, что придерживается правил аскетизма и должна ограничивать себя во всем.

– Что тебе положить? – спросила Диана, отправив горничную.

– Это все и за неделю не съесть, – тихо пропищала Вера, еще раз оглядывая стол и пытаюсь выбрать для себя какое-нибудь скромное блюдо.

– А зачем нам все это есть? Ешь только то, что тебе нравится, остальное собаки съедят, – по-деловому сообщила Диана.

– Собаки?! – с возмущением воскликнула Вера. – А ну его на фиг, этот аскетизм, и Диогена с ним в придачу!

– Что ты сказала? – удивилась Диана.

– Я говорю, что, пожалуй, я съем курицу... и свининки кусочек тоже, и рыбу, рыбу – красную и белую, а еще шашлык из баранины и эту креветку большую, грибочки тоже мне положи... А это что?

– Это суши. Японская кухня. Рис, завернутый в водоросли, со свежей рыбой.

– А вот водоросли я не буду, – решительно сказала Вера и набросилась на еду.

Глава 6

Сказочные превращения

Частная стоматологическая клиника, в которую привезла Диана Веру, компактно располагалась на первом этаже старинного отреставрированного особняка прошлого века. В уютной приемной, сидя на кожаных офисных диванчиках, ожидали своей страшной участи несколько человек, но Диана, сообщив всем, что они прибыли к доктору с острой непереносимой болью, втолкнула сопротивляющуюся Веру в кабинет врача без очереди. Стоматолог, невысокий аккуратный старичок с пышными темными бровями, маленькой козлиной бородкой и исконно русским именем Марк Семенович Иванов, несказанно обрадовался приходу Дианы и, алчно блеснув глазами и дорогими фарфоровыми коронками, усадил Веру в смотровое кресло. Семью Шатровых Марк Семенович обслуживал на протяжении многих лет и обожал за безграничную щедрость.

– Разруха наподобие постреволюционного периода семнадцатого года, – со вздохом вынес свой вердикт стоматолог, заглянув Вере в рот. – Где же вы, милочка, зубки-то растеряли?

– По дороге к вам, – буркнула Вера, с ужасом косясь на бормашину и непонятные инструменты в руках доктора.

– Она еще шутит! – воскликнул стоматолог. – Ну что же, Диана, думаю, мы с твоей знакомой сработаемся. Работы, правда, много – но за месяц управимся.

– Марк Семенович, необходимо сделать все как можно скорее, – возразила Диана.

– Ну... за две недели, – вздохнул стоматолог.

– Марк Семенович, я же знаю, что вы не просто стоматолог, вы – творец! – льстиво добавила Диана и широко улыбнулась.

– Ладно, проказница, иди погуляй пока пару часиков. Хотел твоей подруге металлокерамику поставить, но раз вам зубы срочно нужны, придется наращивать. Только, Дианочка, – замялся стоматолог, – так как в приемной ожидают своей очереди другие пациенты, и если я их не приму, то...

– Марк Семенович, вы же меня знаете – все ваши неудобства я щедро компенсирую! – воскликнула Диана, подмигнула доктору и вышла за дверь.

– Зиновья, – обратился он к своей ассистентке, – кто у нас там в приемной остался?

– С острой болью никого нет, Марк Семенович. Отправим всех по домам без проблем. К счастью, Нина Вартанян сегодня не пришла – с ней было бы сложно договориться.

– Тогда иди, Зиновья, сообщи пациентам, что завтра я приму их без очереди в любое удобное для них время, и пообещай за неудобство десяти-, нет, пятипроцентную скидку на все услуги, – проинструктировал помощницу стоматолог и обратился к Вере: – Ну что же, милочка, приступим.

– А больно будет? – спросила Вера сквозь зубы.

– Больно не будет. Сейчас вы сладко уснете, а когда проснетесь...

– Как это я усну?! – растерялась Верочка, отпихивая от себя руки доктора.

– Так как работы очень много, я решил применить общий наркоз. Спокой... Спокой... спокойной ночи, голубушка, – сказал Марк Семенович и, изловчившись, наложил маску с наркозом Верочке на лицо.

Диана удобно устроилась в приемной с журналом в руке, решив не покидать стоматологическую клинику и подождать Веру внутри. Водителя она отпустила на час по своим делам, а одна выходить на улицу не решалась. Она изо всех сил крепилась и старалась держаться, но ей было страшно – страшно до дрожи в коленях. Ей постоянно казалось, что маньяк-«мусорщик» следит за каждым ее шагом, что сейчас он стоит на улице, сливаясь с прохожими, и ждет

удобного случая, чтобы ее убить. Успокаивала только одна мысль – что она не одна, теперь с ней Вера, странная, смешная, застенчивая женщина из другого мира, которая спасла ей жизнь и теперь из-за этого рисковала расстаться со своей собственной. Диане казалось, что именно такой, как Вера, была ее мать, которую она никогда не видела. Что-то было в Вере такое особенное, что заставляло ее чувствовать в ней родственную душу.

– Дианочка! – услышала она приторно-сладкий жеманный голос и вздрогнула. – Дианочка, как я рада тебя видеть, детка!

В приемную, позвякивая дорогими украшениями, всплыла яркая высокая брюнетка с короткой стильной стрижкой, и все помещение заполнилось удушливым ароматом ее терпких дорожных духов.

– Здравствуйте, Нина, – через силу улыбнулась Диана. Нину Вартанян Диана не переваживала. Богатая стерва, пробившаяся в свет из провинции благодаря своему удачному браку с банкиром Арменом Вартаняном, Нина так и не смогла стать своей в элитной тусовке и за это мстила всем, распространяя грязные слухи о тех, кто был богаче, красивее и успешнее.

Нина опустила свой холеный зад в кресло рядом с Дианой, звякнула золотыми браслетами и заговорщически подмигнула ей.

– Слышала, ты замуж вышла? К сожалению, в это время я отдыхала в Монте-Карло с Арменчиком и поэтому не смогла разделить с тобой торжество. Но, надеюсь, поздравительную телеграмму ты получила и не обижаешься?

– Конечно, нет, – уверила Нину Диана и постаралась скрыть улыбку – в списке приглашенных фамилии Вартанян не было даже в помине, впрочем, никаких телеграмм от этой семьи она не получала тоже.

– Ну, еще раз тебя от всего сердца поздравляю! Только ты уже меня извини, Дианочка, я что-то в толк не возьму: твой муж – он кто такой? Откуда ты его выкопала? Вроде среди богатых банкиров и промышленников фамилии Зорин я не встречала, – совершенно не стесняясь своих невежливов вопросов, спросила Нина.

– Зорин – это друг моего отца. Он был его партнером, они работали вместе, – без особого энтузиазма объяснила Диана.

– Ах, вот оно что! – всплеснула руками Нина, и браслеты на ее руках вновь звякнули. – Быстро он подсуелится, твой Зорин. Ловко все обстряпал.

– И что же он обстряпал? – стараясь скрыть раздражение, спросила Диана.

– Ой, ну ты только не обижайся, но все только об этом и говорят. Зорин твой женился на тебе по расчету и тебя совсем не любит. Мне так жаль тебя, Дианочка. Мало того – у него есть любовница, обворожительная сногшибательная львица из высшего света. Он ее обожает и...

– Послушайте, Нина! Не знаю, как там ваше отчество... Я порекомендовала бы вам открывать ваш рот только в кабинете стоматолога, а сейчас захлопнуть его и не мешать мне читать журнал, – с угрозой в голосе сказала Диана.

– Что? – переспросила Нина и «растопырила» свои ярко накрашенные глаза. – Дианочка, но я же не хотела... Дианочка, простите меня, – затараторила она испуганно. Ниночка Вартанян, при всей своей наглости и глупости, прекрасно отдавала себе отчет в том, кто в этом мире занимает лидирующие позиции. Диана могла легко раздавить и Нину (и ее мужа в придачу) легким движением руки. – Дианочка, я же просто по-дружески, как подруга подруге.

– Кстати, Марк Семенович сказал, что на сегодня прием окончен, вы можете прийти завтра в любое удобное время, – не обращая внимания на льстивые оправдания, сказала Диана, встала, открыла жалюзи и распахнула окно.

От едкого парфюма у нее заслезились глаза и перехватило дыхание. Пытаясь отдышаться, Диана сделала несколько глубоких вдохов, вернулась в кресло и стала обмахиваться журналом. «Только бы приступ не начался, только бы не начался, – думала она. – Не хватало еще при этой сплетнице...» Но удушье все сильнее сжимало грудную клетку, дышать становилось все

труднее. Она трясущейся рукой расстегнула сумочку, достала оттуда специальный спрей, но баллончик с лекарством выскользнул из руки и упал на пол. Диана резко нагнулась за ним, Нина, видимо, тоже попыталась помочь, но не удержалась на ногах и шлепнулась на пол рядом с Дианой.

– Ниночка, вы не ушиблись? – хихикнула Диана, сделав пару вдохов лекарства и наконец ощутив, что в легких рассосался жесткий комок. Ниночка не шевелилась, продолжая неподвижно лежать на полу. – Нина, что с вами? – испуганно спросила Диана и перевернула женщину на спину – в тишине отчетливо звякнули браслеты на ее руке.

Хлопнула дверь. Пошатываясь, бледная, с синяками под глазами, из кабинета стоматолога выплыла Верочка с Марком Семеновичем под ручку. Увидев в приемной Диану, она широко и криво улыбнулась, демонстрируя ей свою новую белоснежную улыбку, но, посмотрев на пол, в ужасе спросила:

– Что... что это с ней?

– Марк Семенович, вызывайте «Скорую» и милицию. Нина Вартанян... мертва, – побелевшими губами прошептала Диана. Нина Вартанян лежала на полу, глаза и рот ее были открыты, а во лбу зияла маленькая темная дырочка.

* * *

Следственная группа отреагировала на вызов оперативно: спустя десять минут место убийства уже было оцеплено, и эксперты приступили к своим обязанностям. Но в гостях у Марка Семеновича Диане с Верочкой пришлось задержаться гораздо дольше, чем им хотелось бы. Выслушав свидетельские показания, следователь попросил женщин немного подождать, усадил их в комнате отдыха персонала и удалился. Ждать пришлось довольно долго. Верочка лихорадочно курила одну сигарету за другой, Диана нервно металась из угла в угол. Нет, смерть Нины Вартанян ее почти не тронула, свои личные проблемы девушка воспринимала гораздо трагичнее, но она ужасно боялась вновь увидеть посиневший труп с дыркой во лбу и втайне молилась, чтобы женщину хотя бы прикрыли простыней, когда они с Верой выйдут из комнаты. К счастью, когда их пригласили для дачи показаний обратно в приемную, труп Нины Вартанян уже увезли. Но все равно, на душе у Дианы было тревожно: жирный, очерченный мелом контур на полу, помимо воли, притягивал взгляд и невероятно нервировал.

– Итак, Диана Владимировна, еще раз, пожалуйста. Вы сидели в приемной и ждали вашу подругу, которая находилась в кабинете Марка Семеновича. Правильно я вас понял? – спросил следователь, не отрываясь от протокола.

– Да, но я же уже все вам объяснила. Простите, забыла, как вас...

– Артем Борисович Босяк, – подсказал следователь.

– Спасибо, – стараясь скрыть улыбку, сказала Диана. – Так вот, Артем Борисович, повторяю, я сидела в приемной, ждала свою подругу, а потом пришла Нина Вартанян, – уточнила девушка.

Следователь ей был симпатичен: ангельские русые кудри, необыкновенно длинные ресницы и ясные голубые глаза. Однако ангелочком Артема Босяка назвать можно было лишь с натягом, учитывая его крепкое телосложение, высокий рост и резковатость черт его лица. Он не был красив, в нем не было лоска, одевался он небрежно, но было в этом парне что-то первобытное, грубоватое и по-настоящему мужское, и именно эти его качества заставили сердце Дианы забиться немного быстрее, чем следовало бы.

– Нина Вартанян тоже ваша подруга? – задал следующий вопрос следователь.

– Нет. Просто знакомая, – рассеянно ответила Диана, удивленная странной реакцией собственного организма на собеседника.

– Откуда вы ее знаете?

– Господи, ну какая разница?! – раздраженно воскликнула Диана. – Наша семья держит в банке у мужа Нины Варганиян свои деньги. Армен Варганиян – банк «Триумфальная арка» – слышали о таком?

– Вы хотите сказать, что Нина Варганиян... Ой, как плохо! Слышал, Санек? Убитая – жена Армена Варганияна!

– Заказное, по всему выходит, – тоскливо изрек Санек и тяжело вздохнул. – Да и так сразу было понятно. Стреляли из подъезда дома напротив, из снайперской винтовки – она там так и осталась валяться в подъезде, короче, работал профессионал. Видишь, какая дырочка аккуратная, с такого расстояния – и точно в лобешник, как в десятку.

– Так, значит, вы сидели, беседовали, и вдруг прозвучал выстрел, – продолжил допрос Артем Борисович.

– Выстрела я не слышала. Я уронила лекарство на пол и нагнулась за ним, а когда поднялась, Нина лежала на ковре и не шевелилась. Я перевернула ее и поняла, что она мертва.

– Хорошо, Диана Владимировна, больше у меня вопросов к вам нет, езжайте домой, отдыхайте. Все ваши данные у меня есть, если понадобится, мы с вами свяжемся. И подружка ваша, я смотрю, очень плохо себя чувствует, вон, бледная какая. Мало того, что у стоматолога побывала, еще и на труп полюбовалась. Жуть! – последнее восклицание, произнесенное с чувством, скорее всего относилось к посещению стоматолога. Видимо, дантистов Артем Борисович побаивался, поэтому допрос Марка Семеновича отложил напоследок и все время косился в его сторону с опаской, периодически сильно меняясь в лице. – Да, чуть не забыл, – окликнул их у двери следователь, обращаясь к Вере. – Ваши данные я не записал. Будьте добры, паспорт свой дайте-ка на минуту. Вы хоть и ничего не видели, но мало ли что.

– Я паспорт с собой не взяла, – тихо пролепетала Вера.

– Ну так просто сообщите, где живете, и свою фамилию, – покладисто попросил следователь.

– Вера Петровна Иванова. Проживаю: город Москва, улица Старый Арбат... – Вера быстро продиктовала номер дома и квартиру и выскользнула за дверь.

Миновав желтую ленту и милицейское оцепление, они сели в машину и только там вздохнули с облегчением.

– Ничего себе, сходили зубки полечить, – после некоторой паузы сказала Вера.

– Сейчас поедem еще к стилисту, – сообщила Диана, равнодушно взирая в окно.

– Ты в своем уме?! К какому стилисту?! Ты видела, как эту банкиршу грохнули? А если «мусорщик» нас так же попытается убить, ты об этом подумала? Мы как открытые мишени по улицам шастаем! Если он до этого всех душил, это еще не значит, что он в ближайшем будущем не обзаведется пистолетом или ружьем.

– И что?! – огрызнулась Диана. – Я не собираюсь из-за этого закрыться дома на десять замков. Я не собираюсь менять свои планы.

– Ну и дура! – воскликнула Вера.

– Сама дура! – не осталась в долгу Диана. – Ходишь, как чувyrла, и не хочешь ничего менять!

– Как хочу, так и хожу, – возмутилась Верочка. – Тоже мне, принцесса выискалась! Я и без твоей опеки нормально жила, не жаловалась. Останови машину, я выйду здесь.

– Ну и уматывай! Шурик, а ну тормозни. Пусть валит. – Водитель подчинился, Вера схватилась за ручку двери, но неожиданно услышала жалобное: – Верочка, ну прости меня. Не бросай меня одну, пожалуйста! Как же я без тебя? Если не хочешь ехать к стилисту, давай не поедem, – размазывая по лицу слезы, рыдала Диана.

– И ты меня прости, Дианочка, – всхлипнула Вера, обняла Диану и тоже завывала: – Ой, что же нам делать-то?! Вляпались мы, дуры бестолковые, в историю! А жить-то как хочется! В первый раз за мою жизнь – хочется!

– И мне тоже!!! – продолжая реветь, согласилась Диана.

– Так вы это, – неуверенно спросил Шурик, созерцая Всемирный потоп, – вы к стилисту-то поедете или как?

– Да!!! – мгновенно осушив слезы, выкрикнули женщины в один голос, и Шурик, вздрогнув, нажал на газ.

Дорогой салон по превращению обычных людей в стильных и неповторимых находился неподалеку от стоматологической клиники и носил претенциозное название «У Вольдемара». То же название, вернее имя, носил и сам основатель – худой женоподобный молодой человек с накрашенными губами и длинными, высветленными перьями волосами. Вольдемар Копейкин был стилистом от бога. Поработав несколько лет в поте лица на чужих людей, он сколотил себе небольшой капитал и решил заняться собственным бизнесом. Салон процветал, попасть в него считалось престижным и модным, но Воля Копейкин так погряз в административных и хозяйственных проблемах, что ему пришлось отказаться от большинства своих постоянных клиенток и перекинуть их на других мастеров. Диану это никоим образом не коснулось. Стоило ей перешагнуть через порог заведения и шепнуть администратору о своем приходе, как Воля бросал все дела и несся на всех парах, чтобы ей услужить. Как ни странно, причина услужливости Вольдемара была совсем не материальна. Стилиста, как человека творческого, деньги интересовали в последнюю очередь. Диана нравилась Воле Копейкину как человек, и он всегда искренне рад был ее видеть.

– Вольдемар, можно просто Воля, – жеманно представился он, как только Диана, покончив с формальными приветствиями и прочими любезностями, подвела стилиста к Верочке.

– Вера, – пробасила женщина неестественно грубым голосом.

– Очень приятно, – улыбнулся Вольдемар и слегка приподнял удивленно брови. Некоторое время он заинтересованно разглядывал ее, потом спросил, с азартом потирая руки: – Ну с, какие-нибудь пожелания будут?

Вера нервно дернулась и затравленно посмотрела на Диану, ища у нее поддержки. Давненько она не посещала стилиста, вернее, никогда не посещала. У обычного-то парикмахера она была лет сто назад. Меняться было страшно и непривычно. А пожелание у нее было только одно: как можно быстрее смотаться отсюда.

– Я ведь тебе уже объяснила, Воля, – немного недовольно проворковала Диана. – Тетя ко мне из Воронежа приехала. Хочет найти свой индивидуальный, неповторимый стиль. Неужели непонятно?

– Дианочка, ты меня удивляешь! – воскликнул Вольдемар, обойдя вокруг Веры. – У нее же все это уже есть. Самые модные веяния отражены! Стиль постандеграунд. Неужели в Воронеже у меня теперь есть конкуренты? Ну это же надо – перехватить мою идею по поводу причесок! Как точно все уловили, и как натурально все выглядит. Какой художественный беспорядок – определенно работал гений! А одежда – вам удалось выделить и подчеркнуть все достоинства своей фигуры, используя нехарактерный, нестандартный ход. Небрежное наплевательство на общественное мнение – вот что сейчас на пике моды! Ах, какая смелая женщина! Поздравляю, Дианочка, наконец-то в твоём пуританском обществе появился человек со свободным, легким отношением к жизни и хорошим вкусом. Единственное, что я порекомендовал бы сделать, это привести ручки и ножки в порядок, ну, и обувь сменить. В нашем деле никак нельзя перебарщивать: босоножки на три размера меньше – это уже явный перебор.

– Вот что, Вольдемарушка, не хочу тебя расстраивать, но сменить нам необходимо все, как можно ближе подведя стиль моей тети к нашему пуританскому обществу. Но как только тетя соберется обратно в Воронеж, мы опять непременно тебя посетим, и ты постарайся придать ее облику ту же неповторимость, которая есть у нее сейчас, – сказала Диана.

– Так я и думал, – расстроено вздохнул стилист и повел Веру за собой, крикнув администратору, чтобы та прислала ему ассистенток.

– Вольдемар! – окликнула его Диана. – А из вещей приличных у тебя что-нибудь в наличии сейчас есть?

– Да, после последнего показа «Кристиан Диор» поставили на реализацию. Держу специально для таких пуританок, как ты, – обиженно просопел стилист и удалился.

Верочку усадили в удобное высокое кресло, и все вокруг нее закрутилось и завращалось. Что с ней делали, Вера не видела – ее намеренно отвернули от зеркала. Вольдемар объяснил, что у него такой стиль работы и он любит эффект неожиданности. Что конкретно имел в виду Воля, когда говорил об эффекте неожиданности, Вера предпочла не уточнять и полностью расслабилась. Экзекуция продолжалась три часа. Несколько человек носились вокруг нее, четко выполняя указания Вольдемара. Ее стригли, красили, мыли голову, опять стригли, опять красили, долго укладывали феном, обрабатывали ногти на руках и ногах, беспощадно выщипывали брови, делали эпиляцию, маску для лица, макияж... Наконец ее оставили в покое, развернули к зеркалу и ушли, оставив наедине с собственной неотразимостью.

Вера подкатила кресло ближе к зеркалу и придирчиво рассмотрела свое отражение. По каким-то непонятным причинам пропал длинный нос, глаза увеличились вдвое и стали загадочно-выразительными, а губы были так вызывающе сексуальны, что их откровенная припухлость ее даже немного смутила. Она провела рукой с теперь уже ухоженными ноготками по своим почему-то очень мягким и неожиданно пушистым волосам, отметив, что цвет, ненавязчиво играющий всеми оттенками осени – от рыжевато-русого до темно-каштанового, – ей необыкновенно идет. Как, впрочем, и короткая стрижка с рваными, разной длины прядями, которая каким-то непостижимым образом получилась из ее запутанной, давно не знающей шампуней шевелюры. Когда-то она уже видела это лицо, когда-то... в другой жизни...

– Верочка, примерьте это, – вернувшись в комнату, оторвал ее от созерцания Вольдемар и бросил на соседнее кресло несколько вешалок с разноцветными вещами. – Все эти вещи подойдут вам по размеру, а вот туфли сорокового размера у меня только одни, и то случайно ко мне попали, но они нейтральные и со всеми вещами сочетаются. Вера, скажите, а вы случайно не работали манекенщицей? – неожиданно спросил Вольдемар, и Вера вздрогнула.

– С чего это вы взяли? – равнодушно спросила она после непродолжительной паузы.

– У вас и походка, и осанка манекенщицы, – объяснил Вольдемар.

– Нет, я никогда не работала манекенщицей, – сказала Вера.

– Значит, показалось. И все же, такая походка у женщины редко бывает врожденной – обычно она вырабатывается годами с помощью профессионалов, – задумчиво сказал стилист, внимательно разглядывая Веру. – Ну ладно, переодевайтесь, а я пока выйду.

Вера выбрала темно-фисташковый брючный костюм, надела его и еще раз посмотрела на себя в зеркало.

– Здравствуй, давно не виделись, – сказала она своему отражению. – Только, знаешь, я совсем по тебе не соскучилась. Но, видно, от тебя не убежишь, как бы я ни стремилась к этому. Ну что же, Вера Леонидовна Кошель, с возвращением!

* * *

Из салона они выкатились, нагруженные пакетами с новенькими дизайнерскими вещами и прочими мелочами, которые так несказанно украшают женщину. Диана, не скупясь, смела всю коллекцию, приобрела пару вещичек и для себя, а в завершение всего присовокупила к покупкам дюжину баснословно дорогих средств по уходу за волосами, лицом и телом, специально подобранных косметологом для Верочки.

На улице уже смеркалось, Шурик сладко дремал на своем водительском сиденье, двери машины были заперты. Диана возбужденно постучала в окно, водитель пробудился, выскочил

из машины, открыл перед женщинами дверь, вежливо поздоровался с Верочкой, усадил их на заднее сиденье и стал оглядываться по сторонам.

– Ну и кого мы ждем? Поехали, – хитро улыбнулась Диана, она сразу догадалась, что Шурик Верочку не узнал и теперь ожидает ее выхода из салона.

– Так это... – промямлил водитель, пожал плечами и сел в машину. Возражать хозяевам Шурик не умел, вопросы не по существу не задавал и молча и старательно выполнял свою работу. Поэтому куда делась чумовая баба с драной мочалкой на голове и длинными, как у цапли, ногами и носом – так лестно водитель охарактеризовал про себя Верочку – и почему вместо нее Диана вернулась с какой-то холеной богатой стервой, Шурик уточнять не стал. Завел двигатель и нажал на газ. Ответы на свои вопросы Шурик, тем не менее, получил сразу же, как только они отъехали от салона и Диана тихо назвала свою новую спутницу по имени. Водитель от неожиданности вздрогнул и очумело покосился в зеркало заднего вида. «Ни фига себе», – ошарашенно подумал он, озадаченно почесал макушку и вновь сосредоточенно усталился на дороге.

– Вера, ну скажи мне, что случилось? – взволнованно спросила Диана, заглядывая женщине в глаза. – Ты такая красивая, стильная, выглядишь лет на десять моложе своих лет. Я, как только тебя увидела, дар речи потеряла от твоей красоты. Даже сразу не признала. А ты как будто не рада совсем. Тебя что, Вольдемар чем-то обидел?

– Нет, нет, Дианочка, никто меня не обидел, и я очень, очень рада, правда, – попыталась отвязаться от девушки Вера.

– Если рада, то почему сидишь с таким лицом, словно у тебя живот болит? – не унималась Диана.

– Это я от шока. Согласись, не каждый день от судьбы принимаешь такие щедрые подарки! Со мной все хорошо, Дианочка. Спасибо тебе за все.

– Я знаю, почему ты такая, – грустно сказала Диана. – Ты думаешь о будущем, да? Ты думаешь, что как только мы разберемся с этим делом и найдем убийцу, то ты будешь вынуждена вернуться. Ты ошибаешься, я не...

– Я думаю о прошлом, а не о будущем, – перебила Диану Вера. – Я думаю о прошлом, в которое вернулась. Прости, я очень устала, Дианочка. Давай отложим эту тему на время и просто помолчим сейчас, хорошо?

– Хорошо, – растерянно согласилась Диана, еще раз посмотрела на Веру и поняла, что в ней изменилась не только внешность: что-то неуловимое произошло и внутри ее. Диана вдруг испугалась и вновь почувствовала себя одинокой и брошенной. Ей захотелось заплакать, рыдать в голос. И еще ей захотелось сейчас же стереть с Веры косметику и вернуть ту заботливую, простую и естественную женщину, с которой она познакомилась в парке. Желание было таким сильным, что она крепко сжала кулачки. Ногти с силой впились в нежные ладошки, до крови разодрав кожу, – девушка пришла в себя и вскрикнула от боли.

– Что случилось, Дианочка? – взволнованно спросила Вера, схватила руку девушки и посмотрела на рану. – Дианочка, как же ты так ухитрилась поранить ручку, господи! Эй, Шурик – ты что, урод, машину водить не умеешь?! Поаккуратнее. Наша принцесса из-за тебя руку поранила – ямы объезжать кто за тебя будет? Я, что ли? – гневно заорала она на ни в чем не повинного Шурика, притянула Диану к себе и обняла. – Дианочка, ты что плачешь? Больно, да? Ну потерпи, почти приехали, сейчас дома ранку обработаем, – успокаивала Диану Вера, даже не предполагая, что девушка плачет не от боли, а от радости – что вновь обрела, кого чуть было не потеряла.

Глава 7

Банкир и его жена

Банк «Триумфальная арка» поражал своим размахом и великолепием. Пять этажей, отделанных самыми лучшими материалами, сверхзвуковые лифты, двери из красного дерева, качественное ковровое покрытие на полу. Армен Зурабович Вартанян пригласил Артема Босяка к себе в кабинет. Об убийстве жены он уже знал, но по каким-то причинам приехать на место происшествия не смог. Разговаривал Вартанян без акцента и выглядел абсолютно спокойным и равнодушным.

– Выражаю вам свои соболезнования, Армен Зурабович. Мне очень жаль, что с вашей супругой произошло такое несчастье, – без особого сочувствия в голосе сказал следователь, разглядывая мужа Нины Вартанян, средних лет, привлекательного яркого армянина с пронзительно синими глазами.

– Спасибо за сочувствие, – ухмыльнулся банкир. – Только давайте не будем отнимать друг у друга время и перейдем сразу к делу.

– Ну, что же, к делу, так к делу. Кому, по-вашему мнению, была выгодна смерть вашей жены? – усаживаясь в кресло напротив Армена Зурабовича, спросил следователь. Спокойствие банкира показалось Артему подозрительным, и он приготовился уже задать много каверзных вопросов, чтобы вывести его на чистую воду, но...

– Мне, – спокойно и совершенно серьезно сказал банкир, чем ввел молодого следователя в замешательство.

– То есть... вы хотите сказать...

– Смерть Нины была выгодна мне, но я ее не убивал. На момент ее убийства я находился в банке. Это могут подтвердить мои сотрудники, вот список.

– Убийство – заказное, Армен Зурабович. Было бы нелепо предполагать, что вы сами нажали на курок.

– Я не заказывал свою жену, если вы это имеете в виду. Я хочу, чтобы как можно быстрее все неясные вопросы прояснились, – поэтому буду с вами предельно откровенен. В любом случае вы все узнаете от моих друзей и знакомых. Ни для кого не было секретом, что мы жили с Ниной вместе только формально, ради спокойствия ребенка. Когда-то давно я имел неосторожность завязать роман с этой женщиной, в результате нашей связи она забеременела. Жениться было для меня делом чести, так я и поступил.

– Чем же она так вам не угодила, Армен Зурабович? – ехидно спросил следователь.

– Из-за нее мой бизнес мог лопнуть в любой момент. Меня перестали приглашать в приличные дома. Моя жена была интриганка и сплетница. Она подгадила везде, где могла. Это была не женщина – это была сука последняя! Но, повторяю, я не заказывал свою жену, хотя не скрою, очень благодарен человеку, который стер ее с лица земли.

– Неужели ради ребенка можно было все это терпеть рядом с собой? Насколько я знаю, вы прожили с ней восемь лет.

– Восемь жутких, ужасных лет, – тяжело вздохнул банкир. – Вы правы, в конце концов я пришел к выводу, что даже ради ребенка не могу жить с ней рядом, и две недели назад подал заявление о разводе.

– Значит, вы собирались развестись с Ниной? – уточнил следователь. – Жена знала о ваших планах?

– Естественно, знала.

– И какая у нее была реакция? – спросил Артем Борисович уже без особого интереса, потому что понял: Вартанян к смерти супруги не имеет никакого отношения.

– Нормальная у нее была реакция, учитывая то, что в качестве откупного она получала после развода 70 процентов имущества, которым я владею. Если вам интересно, я могу показать вам договор.

– А ребенок?

– Ребенок после развода должен был остаться со мной. Он никогда ей не был нужен.

– Неужели вы, банкир, так просто простились бы почти со всем своим имуществом? – лукаво спросил следователь.

– Отдал бы с радостью, лишь бы она исчезла из моей жизни!

– И она исчезла, а вы остались при своих. Вам повезло, Армен Зурабович.

– Не то слово, – искренне улыбнулся Армен. – Кажется, бог услышал мои молитвы! Теперь мы с сынишкой подыщем себе достойную маму и будем жить долго и счастливо. Коньяк будете? – неожиданно спросил Армен Зурабович, встал, подошел к бару, вытащил бутылку «Камю», обернулся и вопросительно посмотрел на следователя.

– Нет, спасибо, – уныло сказал Артем Борисович и задал следующий вопрос: – Кому, кроме вас, могла помешать ваша жена?

– Кому угодно, – сообщил Вартанян, вернулся за свой стол, открыл бутылку и сделал несколько внушительных глотков из горлышка. Довольно крикнул. – Зря вы отказались. Отличный коньяк, скажу я вам! Да и повод есть.

– Ну что же, Армен Зурабович, спасибо вам за откровенность. Вы все мне популярно объяснили. Только мне все равно с трудом верится в то, что ваша жена легко согласилась на развод и без боя отдала вам ребенка. Такие женщины обычно предъявляют претензии на детей, не потому что они им нужны, а для того, чтобы после развода у них была возможность манипулировать своими бывшими мужьями и всегда оставаться у кормушки.

– Совершенно с вами согласен, Артем Борисович. Поэтому я подстраховался на этот случай. У Нины был любовник, я давно об этом знал и молчал, но перед тем как поставить вопрос о разводе, нанял частного детектива и получил в итоге компромат. У Нины другого выхода не было, как согласиться на все мои условия. Ведь если бы дело дошло до суда – она могла потерять все.

– Почему же вы не стали решать этот вопрос через суд? Тогда бы вы действительно имели бы все шансы сохранить свой капитал? – удивился следователь.

– Шума не хотел поднимать. К тому же никакие деньги не стоят свободы и спокойствия. Если бы я предложил ей меньше, она все равно бы от меня не отстала. Ну что же, кажется, я ответил на все интересующие вас вопросы? Мне пора домой – сын ждет, – сказал банкир, намекая следователю, что разговор окончен.

– У меня остался последний вопрос, Армен Зурабович, и я уйду, – сказал следователь и встал. – Как зовут любовника вашей жены?

Банкир не торопился с ответом. Некоторое время он молчал и сосредоточенно разглядывал этикетку бутылки, потом оторвался от своего занятия и внимательно посмотрел в глаза следователю.

– Мне бы очень не хотелось называть это имя, Артем Борисович, но я понимаю, что сделать это необходимо. Дело в том, что любовник моей жены – это муж одной очень милой и влиятельной женщины. Прежде чем я назову его имя, вы должны пообещать мне, что, когда все выплывет наружу, она не узнает, что источником этой информации был я.

– Хорошо. Думаю, это можно устроить. Я обещаю вам: эта женщина не узнает, откуда я получил сведения о том, что ее муж и Нина Вартанян были любовниками, – легко согласился следователь.

– Тогда возьмите эти фотографии – мне они больше не нужны, – Вартанян достал из ящика своего стола белый конверт и положил его на стол. Артем Борисович извлек несколько фотографий, бегло просмотрел их и брезгливо положил обратно в конверт.

– Так кто этот человек? – нетерпеливо спросил он, засовывая конверт в карман куртки.

– Зорин Павел Сергеевич. Он с недавнего времени является мужем Дианы Шатровой, богатой наследницы нефтяного магната Владимира Шатрова. Она держит в моем банке свои деньги, поэтому я и не хочу, чтобы мое имя фигурировало в этой грязной истории напрямую.

– Как вы сказали?! – воскликнул Артем Борисович и сел обратно в кресло. – Муж Дианы Шатровой?

– Да, а что вас так шокировало? – настороженно спросил банкир.

– Нет, нет, ничего, – торопливо сказал следователь и встал. – Спасибо за информацию, Армен Зурабович. Всего вам доброго.

Артем выскочил на улицу и закурил. Хитрая рыжая девчонка, похоже, обвила его вокруг пальца, состроив из себя наивную дурочку. Определенно не случайно она оказалась в это время у стоматолога! И подружка ее как-то странно себя вела. Тогда он списал ее нездоровую бледность на посещение зубного врача, но, возможно, ошибся. Было что-то необычное в ее поведении, внешности и одежде. Хотя с одеждой он мог и ошибаться. У богатых свои причуды. С жиру бесятся, не знают, чем себя занять. Взять хотя бы Зорина. Имея такую красивую и молодую жену, он завел себе любовницу. Вот он бы, Артем, на его месте... Вот как раз он-то на месте Зорина никогда не будет, поэтому незачем забивать себе голову разными глупыми фантазиями. Стоит лучше подумать над новыми фактами. Кажется, дело приняло неожиданный оборот. В памяти всплыло симпатичное личико Дианы Шатровой, и Артем улыбнулся. «Интересная предстоит задача – охота на лис», – подумал он и вошел в здание прокуратуры. Навещать Диану Владимировну было рано. Перед визитом ему хотелось как следует подготовиться и навести справки о ее странной подруге Вере Петровне Ивановой, проживающей на Старом Арбате. Позвонив в отдел информации и дав указание выяснить все интересующие его вопросы, Артем Босяк заварил себе чайку и приготовился к долгому ожиданию. Однако телефон зазвонил спустя десять минут, и следователь радостно схватил трубку...

– Блин, – разочарованно сказал следователь и медленно повесил трубку на рычаг.

Вера Петровна Иванова не проживала на улице Старый Арбат, потому что на этой улице дома с таким номером никогда не было! Похоже, Веры Петровны Ивановой вообще не существовало в природе, несмотря на то, что женщин с таким именем в Москве проживало немало. Проверять всех Вер Ивановых никакого смысла не было – подружка Дианы Владимировны Шатровой, которая лечила зубки в кабинете милейшего Марка Семеновича, без сомнения, назвала ему первое попавшееся имя, которое пришло ей в голову. Если она это сделала, значит, ей было что скрывать. И что именно она скрывала, Артем Борисович собирался выяснить как можно скорее.

Телефонный звонок застал его около двери. Он вернулся и схватил трубку.

– Темочка, ну где ты? Я тебя жду, жду, – раздался нудный голос его подруги Даши.

– Ой, Дашенька! – виновато воскликнул Артем и посмотрел на часы. – Я уже вылетаю, ты меня в дверях застала. Через пять минут буду.

– Пожалуйста, Темочка, поторопись, а то галерея скоро закрывается, а эта выставка работает сегодня последний день. Жаль будет, если мы пропустим. Там такие интересные художники представлены! Вообрази только...

– Даш, ну если ты мне сейчас про этих художников будешь втирать по телефону, то мы точно никуда не попадем, – раздраженно прервал Дашу Артем.

– Хорошо, хорошо, котенок. Жду, – нежно прошептала в трубку Даша и повесила трубку.

– Котенок, – хмыкнул следователь, мельком взглянув на свое отражение в шкафу. – Тоже мне, нашла котеночка, – недовольно возмутился он и выскочил на улицу.

Даша появилась в жизни Артема Босяка несколько месяцев назад. Они познакомились на улице в новогоднюю ночь, и это было очень романтично. Артем шел в гости к Сане Буранову, который пригласил его встретить Новый год в кругу своей семьи: мамы, папы, бабушки, старшей сестры и прочих многочисленных родственников. Артем, как всегда, опаздывал. Очень хотелось выпить и наконец пожрать. Еще он злился, потому что встречать этот праздник «посемейному» просто ненавидел. Но другого выхода у Артема Босяка не было – не сидеть же в Новый год в гордом одиночестве! Так уговаривал себя Артем Босяк, пока шел, но чем ближе он подходил к дому Буранова, тем ярче становились воспоминания о его последних визитах в данное семейство и о некоторых членах семьи. Особенно ярко припомнилась сердобольная бабка Сани, которая считала своим долгом сосватать Артему сестру Буранова. В общем-то, против Саниной сестры – несомненно, женщины достойной и совершенной во всех отношениях – Артем Босяк ничего не имел, но при всем совершенстве и достоинстве у Анны Бурановой все же были некоторые «незначительные» недостатки: она носила одежду пятьдесят восьмого размера, была старше Артема на пятнадцать лет, страстно желала выйти замуж и активно поддерживала идею своей бабки.

Он уже тянулся к кодовому замку и даже набрал одну цифру, – но тут неожиданно личико и некоторые другие части тела сестренки Буранова так колоритно встали у Артема Босяка перед глазами, что следователь одернул руку от замка, круто развернулся в сторону своего дома и тут увидел ее – красивую высокую девушку с длинными темными волосами. Она стояла у соседнего подъезда, смотрела на небо и была так несчастна и одинока, что он не выдержал и подошел к ней.

– Жаль, что звезд не видно, – начал он издали. – Вы смотрите на небо, потому что хотите увидеть там падающую звезду и загадать желание?

– Я хочу, чтобы моя тетка не застучала меня с сигаретой, у нее окна на эту сторону выходят, – сказала девушка, вытащила из-за спины сигарету, сделала торопливую затяжку и вновь спрятала ее за спину. – Черт меня дернул приехать к ней на Новый год, она страшная зануда. Ненавижу отмечать этот праздник «в узком семейном кругу», но мама, отец и брат уже там – не справлять же Новый год в гордом одиночестве! Стою тут уже час, злюсь и курю: выкурю сигаретку, подожду, когда запах табака выветрится, только соберусь в подъезд войти – опять злюсь, и опять курить хочется. Потом опять жду. Положение совершенно безвыходное. У вас жвачки случайно нет?

– К сожалению, нет, – рассмеялся Артем. – А знаете, мы с вами очень похожи.

– Чем же? – улыбнулась девушка.

– Я тоже курю, когда злюсь, у меня нет жвачки, я терпеть не могу справлять Новый год в кругу семьи, и у меня есть шампанское, – сказал Артем и вытащил из кармана бутылку «Советского» полусладкого.

– Последний пункт не соответствует вашей версии относительно нашей похожести, – кокетливо возразила девушка. – Ух, ну я и выдала, – добавила она и расхохоталась.

– Так давайте исправим это несоответствие, к тому же до двенадцати осталось всего пять минут, – заявил Артем и откупорил бутылку.

В гости они так и не пошли. Волшебная новогодняя ночь так быстро сблизила их, что Даша не побоялась пригласить его к себе уже через полчаса после знакомства.

Кто знает, как сложились бы их отношения, если бы они встретились в другое время и в другом месте, но Даша решила, что это знак судьбы, и постоянно твердила ему, что они просто созданы друг для друга. Она была так убедительна, что на некоторое время Артем ей поверил. Целый месяц он думал, что страстно влюблен, но потом вдруг понял, что отсутствие жвачки у него в кармане и нелюбовь к празднованию Нового года в семейном кругу – это единственное, что было между ними общего. Даша оказалась восторженной романтической натурой со всеми вытекающими из этого последствиями – она напрочь замучила его, постоянно таская за собой

по выставкам, музеям и театрам... А совсем недавно решила, что Артему непременно нужно посетить консерваторию – чем добила его окончательно. От консерватории ему отмазаться удалось с большим трудом, но вот как отмазаться от самой Даши, Артем Борисович пока не знал и терпеливо посещал вернисажи.

«Сегодня последний раз сходим на выставку, и я ей все скажу, – думал Артем, подруливая к Центральному дому художника на Крымском валу. – Последний раз на выставку, а потом в постельку», – решил он, заметив Дашу в ярко-красном облегающем платье. Даша подошла к его машине, подождала, пока он выйдет, и поцеловала его в губы. «Ну, может быть, еще пару раз в постельку, а потом... а потом посмотрим...», – обняв Дашу за тонкую талию, подумал Артем и хмуро поплелся осматривать галерею.

Глава 8

Благотворительность

С утра погода испортилась: небо затянуло серыми рваными облаками, стал накрапывать мелкий морозящий дождик, сад потускнел, лишь белоснежные цветы водяных лилий теперь казались еще ярче на фоне темной воды пруда. Легкий ветерок погнал по воде мелкую рябь, и кувшинки ожили, покачиваясь, как крохотные лодочки с парусами.

– Диана Владимировна, к вам пришла Елена Райская, – сообщила Марина, заглянув в ее комнату.

– Да, да, я буду через минуту, проводи пока гостью в мой кабинет и приготовь нам кофе, – попросила Диана, зевнула, одернула штору на окне и постаралась настроиться на деловой лад. Дождливая погода всегда вгоняла ее в меланхолию, но разговор предстоял серьезный, необходимо было сосредоточиться и взять себя в руки. Девушка умылась холодной водой, глубоко вздохнула и бодрой походкой покинула комнату.

Райская, полная женщина неопределенного возраста с усталым одутловатым лицом и беспокойными глазами, неуклюже топталась посреди кабинета, пытаясь куда-нибудь пристроить мокрый разноцветный зонтик, с которого капала вода на светлый пушистый ковер. При виде Дианы Райская вздрогнула и попыталась засунуть мокрый зонтик в карман своего старого поношенного плаща.

– Марина! – взревела Диана, чем напугала Райскую еще больше, и та попятилась назад и побледнела. Горничная влетела в кабинет и вопросительно уставилась на Диану. – Забери, пожалуйста, у уважаемой Елены Ивановны плащ и зонт. И где наш кофе, в конце концов? – сквозь зубы процедила она и с улыбкой обернулась к своей гостье: – Прошу вас меня извинить, Елена Ивановна. Пожалуйста, раздевайтесь, присаживайтесь.

– Спасибо, Диана Владимировна, – поблагодарила Елена Ивановна, неловко стянула плащ, отдала его вместе с зонтиком горничной и плюхнулась на стул. Диана села напротив. Избавившись от плаща и зонта, Райская почувствовала себя более уверенно и первой начала беседу: – Признаться, ваш звонок меня удивил, Диана Владимировна. Насколько я помню, мы планировали продолжить наш разговор в середине августа, так как вы собирались на отдых в Италию.

– Поездку пришлось отменить. Напомните мне, на чем мы в прошлый раз остановились, – уточнила Диана.

– Как я уже объясняла вам, наш благотворительный фонд «Дети без семьи» очень нуждается в деньгах.

– Так кто же нуждается в деньгах, ваш фонд или все же дети? – насмешливо спросила Диана.

– Конечно, дети! – всплеснула руками Елена Ивановна и обиженно засопела.

– Не обижайтесь, Елена Ивановна. Вы должны кое-что уяснить для себя. Ко мне часто приходят люди за спонсорской помощью, и я очень часто эту помощь оказываю. Мой отец был известным меценатом, и после его смерти эти обязанности я взяла на себя. Учитывая мою неопытность в этом вопросе, я сделала несколько ошибок, которые повторять больше не намерена, – сказала Диана.

– Я не совсем понимаю вас, Диана Владимировна, – удивилась Райская.

– Все вы понимаете, – жестко сказала Диана. – Деньги, которые я перечислила в несколько подобных фондов, так и не дошли до своих адресатов, а были совершенно наглым образом потрачены на личные цели учредителей. Дети остались ни с чем, зато их так называемые опе-

куны теперь катаются на иномарках и строят свои собственные виллы. Больше я этого не допущу. Я понятно все объяснила, Елена Ивановна?

– Поверьте, Диана Владимировна, каждый рубль, перечисленный на счет фонда, будет истрачен на детей! – воскликнула Райская. – Ну как мне вам это доказать?

В кабинет вернулась горничная, поставила на стол поднос с чашками и кофейником, разлила кофе и тихо отошла к стене, ожидая следующих указаний.

– Это очень просто, Елена Ивановна. Вы должны разработать определенную схему и представить ее мне. В ней должен иметься поименный список детей, которым конкретно планируется оказывать помощь, и указано, какого рода помощь эта будет. То есть определенный индивидуальный план по каждому ребенку. Если эта схема меня удовлетворит и убедит – вы получите деньги. Мало того, вы получите гораздо больше денег, чем попросили.

– Но это очень сложно, Диана Владимировна. У нас столько детей! – попыталась возразить Райская.

– Для меня важно, чтобы хотя бы кто-то из этих несчастных детей получил то, что ему причитается. Возможно, кому-то повезет больше, кому-то не повезет совсем. Но в этом случае вероятность того, что мои деньги бесследно пропадут, будет сведена к нулю. Если у вас больше нет вопросов, прошу меня извинить. Марина проводит вас.

– Я представлю вам эту схему, Диана Владимировна, – решительно сказала Райская и, сделав последний глоток из чашки, встала. – Спасибо вам огромное!

Елена Ивановна вышла за дверь, Диана задумчиво посмотрела ей вслед. Райская ей нравилась. Она разительно отличалась от всех просителей, которые, как коршуны, начали виться вокруг сразу после смерти отца. Диана еще после первого разговора тщательно навела о фонде и о Елене Ивановне справки. Фонд «Дети без семьи» был один из немногих, который реально что-то делал. Однако подстраховаться было необходимо – вопрос шел об очень крупной сумме, с которой Диана планировала расстаться, поэтому девушка разговаривала с Райской достаточно холодно и выставила ей жесткие условия.

В кабинет заглянул муж.

– Рыжик, если ты закончила с делами – спускайся вниз. В гостиной вас с Верой ждет частный детектив.

– Уже иду, Павел, – оживилась Диана и встала, но Зорин ее остановил.

– Погоди минутку. Мне необходимо с тобой поговорить. Диана, объясни мне одну вещь. Сколько еще эта женщина с улицы будет оставаться в нашем доме? Ты же ее совершенно не знаешь! Я понимаю, она спасла тебе жизнь, но всему же должна быть мера. Заплати ей денег, и пусть убирается туда, откуда пришла. Ты очень добра, Диана, и этим пользуются другие. Вот и сегодня – я видел, что к тебе приходила эта мырма Райская из благотворительного фонда. Нельзя быть такой доверчивой, дорогая!

– Паша, Вера останется в этом доме до тех пор, пока ей и мне угрожает опасность. Ее прошлое меня не волнует. Так что эта тема закрыта. По поводу Райской – ты ошибаешься, я не собираюсь так просто расставаться со своими деньгами. Не волнуйся. Ну что, пойдем, познакомишь меня с детективом. Давай сначала за Верой зайдем.

– Я ее только что встретил, когда шел в кабинет. Она в курсе и наверняка уже спустилась вниз, познакомилась с сыщиком и мило беседует с ним.

Дикий крик снизу заставил собеседников вздрогнуть. Они переглянулись и выбежали из кабинета. Горничная, садовник и кухарка уже были в гостиной и с открытым ртом наблюдали за происходящим.

– Убивают!!! – орал маленький толстенький человек в приличном костюме и пытался вырваться из цепких рук Веры, которая сидела на нем, придавив несчастного своим весом, и рвала волосы на его и без того почти лысой голове. – Помогите!!! Слезь с меня, Вера!!! Я не хотел!!!

– Маленькая толстая вонючка, ты мне за все теперь ответишь! – взвизгнула Вера, схватила мужчину за уши, приподняла его голову и с силой опустила обратно на пол. Раздался глухой стук...

– Елки-палки, да она сейчас действительно его убьет! А я ему уже часть гонорара выплатил, – наконец пришел в себя Зорин и ринулся разнимать дерущихся.

Садовник и кухарка тоже опомнились и рванули на помощь хозяину. Общими усилиями, с большим трудом, удалось оторвать Веру от частного детектива, который был практически убит ее беспощадной рукой. Женщину оттащили от несчастного и посадили на стул, продолжая удерживать.

Детектив вздохнул с облегчением, с трудом поднялся на ноги и, злорадно посмотрев на свою обидчицу, ехидно выпалил:

– Кошелка, – потом он подумал о чем-то, удостоверился, что женщину крепко держат, и показал Верочке язык.

Подобное поведение было большой ошибкой с его стороны. Вера мгновенно вскочила на ноги, стряхнула с себя Зорина, кухарку и садовника, стремительно подскочила к детективу и, выбросив вперед руку, сжатую в кулак, нанесла удар мужчине в глаз. Детектив, не ожидавший такого маневра, глухо охнул, свалился на пол и больше не шевелился. Воцарилось гробовое молчание.

– Паш, а у тебя еще какой-нибудь детектив на примете есть? – пискнула Диана. – Этот, скорее всего, нам уже помочь не сможет. Верочка, ты этого дядечку, по-моему, убила.

– Ничего с ним не будет, – злорадно прошипела Вера. – Сейчас очухается. Вон, видишь, пупок колыхнется. Отрастил себе пузо – урод недоделанный!

– Вер, а что он тебе сказал-то? Из-за чего он тебя так разозлил? – осторожно поинтересовалась Диана.

– Он мне всю жизнь загубил, – объяснила Вера и села в кресло. – Ладно, не волнуйтесь, больше я его бить не буду. Это я от неожиданности. Не думала, что свидимся с ним еще.

– После того как вы его тут отделали, нам придется искать нового детектива, – раздраженно сказал Зорин и с неприязнью и опаской посмотрел на Веру.

– Не надо никого искать, – чуть слышно сказал детектив и приоткрыл один глаз – второй он так и не смог открыть. – Я берусь за это дело. Мало того, я буду работать с десятипроцентной скидкой. Все это я делаю ради тебя, Верунчик, – ласково добавил он, криво улыбнулся и с восхищением посмотрел одним глазом на Веру.

– Марина, у вас лед в холодильнике есть? Принесите, пожалуйста, а то у нашего детектива глаз совсем распух, – сказал Вера, присела рядом с детективом и, осторожно коснувшись рукой синяка, ласково спросила: – Болит?

– Угу, – тяжело вздохнув, сообщил детектив и состроил трагическую физиономию.

– Так тебе и надо, урод! – без злобы в голосе сообщила Вера и погладила детектива по лысине. Вернулась горничная. Вера, взяв из ее рук салфетку со льдом, приложила его к глазу пострадавшего. – И вот еще что, – пригнувшись к его уху, тихо сказала она, – если ты обо мне кому-нибудь проболтаешься, ты не только глаза лишишься, но и другой части тела, которая располагается чуть ниже пояса. Понял? – Детектив интенсивно закивал, Вера удовлетворенно сощурилась и помогла мужчине встать с пола.

Спустя десять минут, отпустив прислугу и рассевшись на мягких диванах, все дружно пили чай и мирно беседовали.

– Значит, вы считаете, что маньяк-«мусорщик», который пытался убить вас в парке, давно следил за вами, Диана Владимировна? – уточнил Роман Петрович, прихлебывая чай.

– Этого мы не знаем наверняка, но вполне может быть, – сказала Диана.

– С той ночи в парке убийца пытался как-нибудь себя проявить? – спросил детектив.

– Пока нет, – сообщила Вера. – Но мы пытаемся не выходить на улицу, вчера только ездили к стоматологу и стилисту.

– Слежки не заметили? – спросил детектив.

– Какая там слежка! – воскликнула Диана. – Там такое творилось! В приемной Марка Семеновича убили одну его пациентку. Ментов понаехало – тьма!

– Как все произошло? – настороженно спросил Роман Петрович.

– Ее застрелили. Она сидела напротив открытого окна. Следователь сказал: стреляли из дома напротив, убийство – заказное. Работал профессионал. Но это и неудивительно: убитая – жена банкира Армена Варганяна. Видимо, Ниночка кому-то очень сильно подгадила.

На пол упала чашка с чаем и разбилась вдребезги. Все обернулись и посмотрели на Зорина, который во время разговора отошел к окну и оттуда поддерживал беседу.

– Павел, что с тобой? – обеспокоенно спросила Диана, разглядывая мужа, лицо которого по цвету слилось с белой стеной.

– Все в порядке, Диана, – посиневшими губами сказал Зорин, ослабил узел галстука и попытался расстегнуть пуговицу на рубашке. – Душно очень, голова закружилась.

– Присядь. Сейчас я доктора вызову, – вскочила она со своего места.

– Нет, нет, не надо. Уже все прошло. Пойду в сад выйду, воздухом подышу, не беспокойтесь. И Марину сейчас пришлю, чтобы осколки убрала, – сказал Зорин и вышел из комнаты.

– Может быть, ему все же вызвать доктора? – предложила Вера.

– Нет, если он сказал – не надо, значит, не надо. Он у меня очень нежный: температура 37,1 – сразу требует «Скорую». Так что, если Зорин отказался от срочной госпитализации, значит, с ним все в порядке, – улыбнулась Диана.

– Диана, то, что вы мне сейчас рассказали, – это очень серьезно. Я постараюсь выяснить все, но в одиночку мы можем не справиться. Вам необходимо рассказать об этом в милиции. Они там уже с ног сбились, пытаюсь найти маньяка, а вы утаиваете от них такую важную информацию! К тому же вы – единственные, вместе с Верой, видели убийцу в лицо. Фоторобот, который будет составлен с вашей помощью, может очень многое решить в деле, – попытался образумить девушку детектив.

– Послушайте! – резко сказала Диана. – Я уже объяснила вам, почему не хочу сообщать о происшествии в милицию. Если вас что-то не устраивает, давайте расстанемся.

– Меня все устраивает, – угрюмо согласился Роман Петрович и задумался. – Вот что – у меня идея. Давайте опишем все приметы убийцы в письме и отправим его в милицию без указания фамилий и имен.

– Анонимно? – оживилась Диана.

– Да. К тому же среди нас есть человек, который эти приметы может изобразить, так сказать, натурально. Верочка очень хорошо умеет рисовать, насколько я знаю, – сообщил Роман Петрович и подмигнул Вере.

– Здорово! – радостно воскликнула Диана. – Вер, это правда?

Вера молчала и подавленно рассматривала свои руки.

– Правда, правда, – ответил за Веру детектив. – Это она просто стесняется. Верочка, не лмайся. Изобрази нам этого урода во всей своей красе.

– Я не рисовала уже около пятнадцати лет. Я уже забыла, как держать в руках карандаш и кисть, – попыталась отвертеться от мероприятия Вера.

– Тебя же не заставляют изобразить нам маньяка сию минуту. У меня есть и карандаши, и бумага, и краски, и кисти. Папочка в свое время безуспешно пытался обучить меня живописи. Сейчас я распоряжусь доставить все это к тебе в комнату, ты потренируешься и...

– Ну хорошо, уговорили, – согласилась Вера и застенчиво добавила: – Только стопроцентное сходство я не обещаю – так, в общих чертах...

– Вот и ладненько, – обрадовался Роман Петрович. – План действий такой. Съезжу в парк, пообщаюсь с местными бомжами, может быть, кто-нибудь номер машины запомнил. Затем придется посетить все ближайшие от парка травмпункты и больницы. У нашей Верочки рука тяжелая – возможно, убийца обратился за медицинской помощью. Кстати, почему вы до сих пор не поговорили с охраной? – спросил детектив.

– Мы поговорили – никто ничего интересного нам не рассказал. Но мы еще не со всеми беседовали, у них там посменный график работы. Может быть, из другой бригады мальчишки что-нибудь видели. Я сегодня с ними пообщаюсь.

– А журнал? У них там должна быть книга, в которую вносятся имена всех въезжающих на территорию.

– Есть там такая книга. Мы ее с Верой уже изучили. На территорию нашего поселка машина марки «Форд Таурус» вообще никогда не заезжала. Значит, этот человек ехал из другого коттеджного поселка – их тут как грязи. У каждого свой пропускной пункт, а вот выезд на шоссе один, с проселочной дороги.

– Понятно, в анонимном письме мы сообщим милиции и этот факт. Пусть все эти поселки на контроль возьмут. Мы тоже туда наведаемся, надеюсь, повезет. Хорошо, пока все. Сидите дома, никуда не выходите и ждите меня. Это очень опасный человек, Диана! Он не просто беспризорный психопат, сбежавший из дурдома. Это может быть влиятельный человек при деньгах, умный и хитрый, имеющий доступ к закрытой информации правоохранительных органов. Поэтому его до сих пор не смогли вычислить. Да, вот еще что, Диана, составьте мне подробный список мест, где вы обычно бываете. Не исключено, что это была случайность. Маньяк-«мусорщик» действительно ехал из гостей или из дома, увидел одинокую девушку на проселочной дороге и воспользовался ситуацией. Но, мне кажется, дело было иначе. Вы у нас человек публичный, он мог заинтересоваться вами, увидев фото в газете, либо где-то пересекся с вами лично. Потом он выяснил ваш адрес и начал за вами следить.

– Но тогда непонятно, откуда он мог знать, что я собираюсь поймать попутку?

– Допустим, этот человек имеет доступ к телефонной сети, сейчас это не проблема. Он прослушивал все ваши телефонные разговоры и, услышав разговор с мужем, подсутился. Если это так, то он живет где-то рядом и, возможно, поэтому и положил на вас глаз, – предположил детектив и нахмурился. – И вообще, Диана, я не понимаю, какого черта вы поперлись одна на шоссе? Как вам вообще в голову такое пришло? Неужели нельзя было попросить кого-нибудь вас отвезти?

– Я же объяснила вам, что такси просто не успевала заказать! А просить мне было некого, каждый своей жизнью живет, – разозлилась Диана. – Хотя глупо, конечно, поступила. Но кто же мог знать, что так получится?

– Кто-то, вероятно, знал, – тяжело вздохнул Роман Петрович. – Ладно, если у вас нет больше вопросов, я поехал.

– Вопросов больше нет. Мы будем с нетерпением ждать вас дома. Пойдемте, я вас провожу, заодно Зорина проверю, может, ему действительно плохо. – Диана направилась к выходу, но тут с удивлением заметила горничную, которая стояла с веником в руках и внимательно наблюдала за ними. – Марина, почему ты до сих пор не убрала осколки? – резко спросила Диана, и горничная вздрогнула. – Что ты тут топчешься без дела? У тебя работы больше нет? Заняться нечем?

– Простите, Диана Владимировна, – тихо извинилась горничная и бросилась собирать разбитую посуду.

– Как только закончишь, пойдешь в кладовку. Там ты возьмешь мольберт, краски, кисти, карандаши и бумагу. Отнеси это все в комнату Веры, – добавила Диана и вышла из комнаты.

– Строго вы с ней, – заметил детектив, когда они вышли на улицу.

– Понимаете, Роман Петрович, в нашем доме часто менялся персонал. Горничные – это отдельная болезненная тема. Я поначалу жалела их, старалась по-человечески к ним относиться. Но они не понимают добра. Они все ненавидят своих хозяев, а от доброго отношения вообще наглеют и по каким-то неясным причинам начинают еще больше ненавидеть людей, на которых работают. Мой отец был очень жестким человеком, он несколько раз указывал мне на этот нонсенс, но я не верила ему, пока не заняла его место. Моя прошлая горничная была очень милой женщиной, я весьма значительно приблизила ее к себе и стала относиться к ней, как к подруге, делилась с ней некоторыми своими переживаниями и проблемами, дарила подарки. Она потом щедро отплатила мне за это. Очень было любопытно почитать о себе в «желтой» прессе! Теперь я веду себя по-другому. Каждый должен знать свое место, и я сразу даю это понять. Я очень щедро оплачиваю работу обслуживающего персонала и хочу, чтобы работа, за которую я плачу, была выполнена хорошо. Кстати, за что вас так Вера отделала? Сознаетесь, у вас с Верой был роман? – неожиданно спросила Диана, и детектив смутился и покраснел. – Ну не хотите говорить, не надо. До вечера, коварный совратитель женских сердец, – рассмеялась девушка и, махнув на прощанье детективу, поспешила в глубь сада разыскивать мужа.

Диана обошла весь сад, но Зорина так и не нашла. Странное поведение Павла немного беспокоило ее. В последнее время он вообще был сам на себя не похож: нервничал, часто отвечал невпопад... «Надо как-нибудь поговорить с ним по душам и выяснить, что у него за проблемы», – лениво подумала Диана и забыла о своем супруге.

В дом возвращаться не хотелось, девушка неторопливо добрела до пруда и присела на лавочку. После полудня погода наладилась. Дождик кончился, небо просветлело, мягко пригревало солнце, купая свои лучи во влажной после дождя листве...

Как странно, думала Диана, а ведь если бы не Вера, она никогда не увидела бы больше ни ярко-синюю гладь воды, ни изумрудную травку, ни небо... Никогда не услышала бы радостное щебетание птиц, не вдохнула бы дурманящий запах цветов... Диана нервно потеряла виски и зажмурилась, чтобы отогнать пугающие мысли о смерти, но они, помимо воли, настойчиво лезли голову. Совсем недавно ей казалось, что с ней не может ничего случиться. С кем угодно, но только не с ней! Она ведь так молода, красива, богата и никому в своей жизни не причинила зла. Теперь все изменилось: она осознала, что смерть прошла от нее всего в нескольких шагах, и в душе поселился страх. Память вновь вернула ее в ту страшную ночь, и Диана поняла, что страх пришел позже, гораздо позже, а тогда, корчась от удушья в руках беспощадного убийцы, она не успела испугаться, а лишь искренне удивилась и задала себе вопрос: почему именно она? Этот вопрос терзал ее до сих пор, но она не находила ответа. Как же ей не хотелось умирать! Но смерть, которую удалось перехитрить в парке, по-прежнему следовала за ней по пятам и не давала расслабиться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.